



ISSN 2076-4383

ЗАСНАВАЛЬНІКІ:
МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ:

Ю. П. Бондар (*галоўны рэдактар*),
А. Д. Кароль (*намеснік галоўнага рэдактара*),
С. В. Харыгончык (*намеснік галоўнага рэдактара*),
В. В. Багатырова, В. А. Богуш, І. В. Войгаў, В. А. Гайсёнак, А. М. Данілаў, В. В. Даніловіч, Д. У. Дук, А. І. Жук, С. А. Каспяровіч, М. А. Кіркор, І. Ф. Кітурка, В. М. Карэла, В. І. Качурка, Н. Я. Лапцева, І. А. Марзалюк, А. А. Раманаў, С. І. Раманюк, С. П. Рубніковіч, Г. М. Сандзер, С. А. Хахомаў, С. А. Чыжык, В. Ю. Шуцілін

РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ:

П. І. Брыгадзін, В. М. Ватыль, А. В. Данільчанка, В. Л. Жук, Ч. С. Кірвель, У. С. Кошалеў, Г. М. Кучынскі, С. В. Рашэтнікаў, Д. Г. Рогман, В. В. Самахвал, А. Л. Толсцік, М. Ц. Ярчак, Я. С. Яскевіч

Адказны сакратар

В. М. Карэла
Карэктар **Н. В. Баярава**
Дызайн **А. Л. Баранаў**
Камп'ютарная вёрстка
Т. В. Лукашонак

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі сродкаў масавай інфармацыі Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь № 593 ад 06.08.2009.
Падпісана да друку 11.02.2022.
Папера афсетная. Рызаграфія.
Фармац 60×84¹/₈. Наклад 160 экз.
Ум. друк. арк. 6,51. Заказ № 1п.

ВЫДАВЕЦ

Дзяржаўная ўстанова адукацыі «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/174 ад 12.02.2014.

НАШ АДРАС:

вул. Маскоўская, 15, п. 109,
РІВШ, 220007, г. Мінск.
e-mail: rio.nihe@mail.ru, т. 213-14-20.
Р/р ВУ34АКВВ36329000030545100000
у ЦБП № 510 АСБ «Беларусбанк»,
БІК АКВВВУ2Х.

ПАЛІГРАФІЧНАЕ ВЫКАНАННЕ

Рэдакцыйна-выдавецкі цэнтр
Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце
Рэспублікі Беларусь
ЛП № 02330/446 ад 18.12.2013.
Вул. Маскоўская, 17, 220007, г. Мінск.

Вышэйшая школа

Навукова-метадычны
і публіцыстычны часопіс

1(147)'2022

Часопіс заснаваны ў 1996 г. Выходзіць 6 разоў у год.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 02.02.2011 № 26 часопіс «Вышэйшая школа» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных і філасофскіх навуках.

© Рэдакцыя часопіса «ВШ»

У нумары

Даследаванні

Цитарэнка Л. Уплыў цыфравізацыі на навучальна-выхаваўчы працэс: перспектывы і рызыкі 3

Актуальна

Краснова Т. Развіццё лічбавых кампетэнцый выкладчыка вышэйшай школы:
цяжкасці і магчымасці 9

Кавалеўская А. Цыфравізацыя як вектар фарміравання асобы сучасных студэнтаў
ва ўстанове вышэйшай адукацыі 15

Рэклама 19, 39, 44

Тэхналогіі адукацыі

Бубноў Ю., Пушкін І. Кантроль якасці правядзення заняткаў у ходзе падрыхтоўкі
кадраў вышэйшай кваліфікацыі 20

Мерыдыяны інтэграцыі

Мельнікаў І. Асаблівасці падыходаў Расійскай Федэрацыі ў развіцці
памежнага гуманітарнага супрацоўніцтва і гуманітарнай палітыкі 26

Навуковыя публікацыі

Вянсковіч Д. Рэалізацыя кампетэнтнаснага падыходу па навучальнай дысцыпліне «Фізічная культура»
ва ўстанове вышэйшай адукацыі 30

Савасцюк Т. Роля сацыяльна-гуманітарных дысцыплін у фарміраванні
біяэтычных каштоўнасных арыентацый студэнта медыцынскай УВА 35

Касцеева Н. Даследаванні феномена Інстытутаў Канфуцыя
ў глабальнай сістэме гуманітарных ведаў 40

Ксенафонтаў У. Гібрыдная агрэсія як тэндэнцыя сацыяльнага гвалту 45

Ян Кэ. Канцэпт публічнай палітыкі ў кітайскім навуковым дыскурсе 52

Влияние цифровизации на учебно-воспитательный процесс: перспективы и риски

Л. Г. Титаренко,
профессор кафедры социологии,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

В современном обществе под влиянием множества разноплановых процессов (глобализации, интернационализации, дигитализации жизнедеятельности общества, обострения идеологического противостояния на международной арене, а в последнее время – пандемии) чрезвычайно усложнились процессы, касающиеся функционирования одного из базовых социальных институтов – образования. Цифровизация создает новые возможности использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и форм обучения, но одновременно порождает новые риски, ставит вызовы перед системой образования, немыслимые в прежние эпохи. Возникает проблема: как совмещать стратегию на устойчивое развитие страны и ее институтов в условиях растущей глобальной неустойчивости и возникающих рисков? Как успешно адаптировать систему образования к процессам цифровизации, сохранив его качество и конкурентоспособность?

В статье предпринята попытка осветить вопросы, как цифровизация обучения повлияла на функционирование этого института, как студенты и преподаватели оценивают перспективы цифровых методов обучения и какие новые риски и вызовы возникли в сфере обучения и воспитания молодого поколения.

Теоретическая основа нашего исследования и сделанных на его основе рекомендаций – концепция трансформации образовательного процесса и концепция поколения Z как социальной группы, порожденной цифровой эпохой. Первая концепция связана с признанием цифровой трансформации общества под воздействием ИКТ, охватившей все сферы жизни – от экономики и материального производства до культуры и образования – и радикально изменившей не только труд, но и повседневную жизнь. Разработка проблем цифровизации стала приоритетом в Беларуси в связи с выдвинутой задачей построения «индустрии 4.0» [1]. В сфере образования цифровая трансформация также стала важнейшим аспектом преобразований. Она проявляется в изменении содержания и методов педагогической деятельности, внедрении в нее новых средств и способов обучения, массовом использовании форм дистанционного обучения (ДО), изменении отношения студентов к обучению [2]. В условиях пандемии процессы цифровизации резко ускорились, а массовое внедрение дистанционных форм обучения стало повседневной реальностью. Тем самым цифровизация образования становится фактором, влияющим на изменения в высшей школе, непосредственно затрагивая основных субъектов процесса обучения – студентов и преподавателей, предоставляя им новые перспективы.

Цифровые технологии в восприятии студентов и педагогов

Рассмотрим сначала проблемы совершенствования процесса обучения, обусловленные цифровизацией, и восприятие цифровых технологий в процессе обучения студентами и преподавателями. Для изучения восприятия дистанционных форм обучения и оценки роли цифровых технологий используем данные ряда опросов. Республиканский онлайн-опрос был проведен под руководством автора статьи с помощью Google Формы в марте-апреле 2021 г. Всего в выборку было

включено 1733 человека из 26 вузов (11 вузов в Минске и по два и более вуза в каждом из областных городов). Большинство студентов обучались на 3–4-м курсах; разбивка студентов по трем основным направлениям обучения (техническому, естественно-научному, социально-гуманитарному) соответствует их пропорциям в республике. В статье также использованы данные онлайн-опросов, проведенных зимой 2020/2021 учебного года в БГУ, в которых приняли участие 456 преподавателей и 1373 студента. Среди преподавателей более четверти имели возраст 50+, более половины – от 30 до 50 лет, менее 20 % – до 30 лет. Все они имели опыт перехода на ДО. В республиканской выборке 78 % студентов отметили, что переходили на дистанционные формы обучения, а в БГУ – 98 %.

Согласно данным этих исследований, в целом студенты Беларуси позитивно оценивают ИКТ и дистанционные формы обучения. По их самооценке уровень владения различными ИКТ за последний год вырос: улучшения в работе с компьютером/смартфоном отметили 87 % респондентов, пакетом Microsoft Office – 85 %, приложениями видеоконференций, электронной почтой и поисковыми системами – от 75 % до 77 % [3, с. 63]. Самооценка преподавателей была более низкой: в основном только более молодые отмечали высокий прогресс в работе с ИКТ, а педагоги в возрасте 50+ испытывали стресс из-за необходимости их быстрого освоения, а также чувства тревоги из-за пандемии.

Разница в восприятии процессов цифровизации и ИКТ между студентами и преподавателями отмечалась по всем вопросам. Если две трети студентов говорили, что не испытывали особых трудностей при переходе на ДО, то преподаватели жаловались на необходимость осваивать современные ИКТ и тратить на это много времени; они высказывали рекомендации университету закупить дополнительное оборудование и повысить качество интернет-соединения на образовательном портале Moodle. Для студентов, по данным опроса, основные проблемы были технического порядка: низкая скорость Интернета, сбои в работе образовательного портала Moodle, хотя отмечалось и увеличение времени работы на выполнение домашних заданий на портале. Некоторые студенты признавались, что пользуются возможностью «виртуально присутствовать» на портале, но не работать реально на занятиях (поскольку камеры есть не у каждого, преподаватели не требуют подключения), списывать тесты при их проведении онлайн, ссылаться на плохой Интернет в случае отсутствия на онлайн-занятиях. Все это невозможно проверить, как следствие, контроль педагога над студентами снижается.

Студентам так полюбили дистанционные занятия, что они высказали готовность перевести на этот формат значительную часть лекций, семинаров, всю самостоятельную работу и даже часть лабораторных работ, что считают совершенно недопустимым пре-

подаватели. Разница в оценках двух групп (преподавателей и студентов) возможной доли сохранения онлайн-занятий по всем формам учебного процесса в постковидный период составляет 25–40 %. В целом две трети студентов посчитали для себя удобной дистанционную форму занятий (неудобной – только около 10 %), а уровень адаптации студентов к этой форме составил, по их самооценке, 4,5 балла из 5 возможных. Опрос выявил, что главными сторонниками переноса занятий на ДО в будущем были студенты технического и экономического профилей, что обусловлено спецификой их обучения, связанной с хорошим знанием компьютерных программ. Вероятно, каждый факультет и вуз должны решать такие вопросы индивидуально, с учетом своей специфики.

Что касается преподавателей, то и в Беларуси, и в России они подчеркивают приоритетность форм обучения, которые позволяют осуществлять личностное общение со студентами. В лучшем случае педагоги соглашались на гибридные формы обучения в будущем, сохраняя семинары, лабораторные, практические занятия в аудитории. ДО не пользуется у них широкой поддержкой. Причин тому много. Так, в литературе отмечается, что ускоренная цифровизация может приводить к снижению эффективности и мотивации профессионального труда части преподавателей, т. е. к технострессам [4, с. 84].

В оценке влияния цифровизации на качество знаний также были выявлены разные позиции. Более половины студентов отметили, что качество обучения при его цифровизации в чем-то стало лучше, а в чем-то хуже. Только 10 % однозначно сказали, что качество снизилось, но в два раза больше утверждали, что оно выросло [3, с. 64]. Среди преподавателей чуть менее 60 % согласились, что качество частично улучшилось, а частично ухудшилось; лишь около 4 % сказали, что оно улучшилось, тогда как более 30 % посчитали его ухудшившимся.

Студенты намного чаще отмечали позитивное влияние цифровизации на процесс обучения (рост знаний ИКТ, получение навыков самостоятельной работы, самостоятельное распределение своего времени при нахождении дома), подчеркивали значимость овладения ИКТ для их будущей профессиональной деятельности. Преподаватели ориентировались на иные критерии оценки цифровизации, хотя в целом, несмотря на начальные трудности, тоже адаптировались к ДО и даже согласились с тем, что и после пандемии часть занятий может остаться в этом формате. Как показали наши исследования и как подтверждает опыт других исследований в республике, «с позиций восприятия участников образовательного процесса белорусские вузы в целом достаточно эффективно справились с переходом на дистанционное обучение, обеспечив непрерывность обучения» [5, с. 7]. Таким образом, у ДО есть перспективы на будущее.

Риски и угрозы цифровизации

Проблему рисков цифровизации необходимо анализировать с учетом особенностей нынешнего поколения студентов. Концепция поколения Z, созданная еще в XX в., актуализировалась в начале нынешнего столетия. Она широко используется для характеристики особенностей мышления и поведения социальной группы, рожденной с 1998 до середины 2010-х гг. [6]. Появилось это поколение и в нашей стране, проявляя себя тем, что «все больше перемещается из актуальной реальности в виртуальную» [7, с. 102]. Эта группа, называемая также цифровым поколением молодежи, отличается тем, что с самого раннего детства она была погружена в цифровую среду и социализирована в мире гаджетов и смартфонов.

Глобальная цифровая среда стала естественной для поколения Z. Она оказывает огромное влияние на формирующиеся ценности этого поколения, которые уже отличают его от поколения родителей. Молодежь воспринимает цифровую реальность как новую среду своей жизни – более интересную, важную и более перспективную, чем традиционная социальная среда. Вследствие интенсивной цифровизации фактически может произойти замена традиционных социокультурных ценностей молодежи их сетевыми и технологическими симулякрами, смысловое содержание которых будет далеким от базовых ценностей нашего общества. Хотя представители данного поколения успешно решают с помощью цифровых технологий многие проблемы повседневной жизни (поиск информации в Интернете, покупки, общение), главной их целью использования цифровых средств являются игры и развлечения, удовлетворение собственных потребностей и интересов. К примеру, в нашем исследовании студенты поставили цели образования на 4–5-ю позиции среди других целей использования ИКТ, таких как компьютерные игры, просмотр фильмов, общение в телеграмм-каналах [8, с. 102].

Понятно, что от института образования поколение Z также ожидает некоторого развлечения, игрового формата получения знаний независимо от сложности изучаемого контента. Доступность Интернета и информации в нем на любую тему создает у молодежи иллюзию, что все знания легко получить именно из этого виртуального источника, что собственные аналитические усилия не нужны. В литературе справедливо указывается: «Предоставляя доступ к неограниченному количеству фактов, гипотез, мнений, Интернет оказывает “медвежью услугу”, создавая у человека иллюзию обладания глубокими и разносторонними знаниями, т. е. наличия высокого уровня образованности» [9, с. 22].

Но доступность практически любых фактов не обеспечивает наличия у студентов научных знаний

и тем более компетенций, необходимых для их практического использования. Быстрое развитие Интернета и мировой социальной сети позволяет молодежи бессознательно потреблять информационный спам, стать дезориентированными под воздействием разных устарелых стереотипов и откровенных фейков, которых всегда достаточно много в виртуальном мире.

В массовом сознании молодежи свободный доступ к любому интернет-контенту оценивается как «демократический» независимо от содержания информации. Бесспорно, такое потребление информации оказывает негативное влияние на воспитание молодежи. В связи с этим некоторые авторы считают, что белорусская школа, включая высшую, «была разоружена», потеряла идеологические ориентиры и активную роль в воспитании студентов [10, с. 18]. Так как студенчество обладает очень высокой восприимчивостью к цифровым инновациям, именно в отношении студентов возрастают риски информационного и социогуманитарного характера, связанные с переоценкой молодыми людьми роли цифровых технологий.

Цифровизация создала немыслимые ранее противоречия в сфере образования. Так, цифровая социализация поколения Z сделала его «неотзывчивым» на традиционные формы обучения: нынешние студенты с трудом слушают лекцию в течение 15–20 минут, бессознательно отвлекаясь на мобильный телефон во время занятий; их знания и восприятие информации фрагментарны, что способствует формированию у них клипового сознания. Когда необходимо выступить устно, они часто испытывают затруднения, так как привыкли общаться короткими фразами в онлайн-формате. Одновременно с этими потерями в когнитивной сфере имеют место недопонимание студенчеством противоречивости в развитии цифровизации, абсолютизация ее позитивных аспектов. В нашем исследовании был вопрос о возможностях влияния ИКТ на развитие человека и повседневную жизнь общества. Полученные данные позволили выявить перекося в оценках технологий в сторону позитива (таблица).

Приведенные утверждения студентов свидетельствуют о преобладании в молодежном сознании оптимистических картин настоящего, построенного средствами цифровых технологий. Лишь четверо из десяти согласны, что ИКТ могут делать людей зависимыми, еще меньше – что они могут нести опасность для здоровья и экологии. Большинство студентов вряд ли осознают возможные негативные стороны цифровизации. Обращает на себя внимание противоречивость ответов: даже те, кто указал на возможный вред для здоровья и на формирование зависимости от ИКТ, одновременно считают, что цифровые технологии выступают средством карьерного роста, облегчения учебы, превращения жизни в поле для творчества и самореализации. Молодые люди без сформированного мировосприятия и научных знаний легко теряют

Варианты ответа на вопрос «Согласны ли вы со следующими суждениями, связанными с использованием ИКТ», в %

Формулировка вопроса	Да	Нет	Трудно сказать
Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают процесс обучения, позволяют экономить время	93,1	1,2	5,7
Благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития	89,6	2,2	8,2
Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	78,9	5,0	16,1
Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	54,4	14,3	31,3
Цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия	39,2	25,2	35,5
Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым	40,6	24,4	35,1
Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	38,4	20,6	41,0
Цифровые технологии отнимают много сил и времени, делают жизнь беспокойной	23,0	43,7	33,4

четкие ориентиры в море разнообразной информации, создают иллюзии, слепо доверяя цифровым источникам.

На основе приведенных выше опросных данных были сконструированы три типа отношения студенчества к цифровизации и ИКТ: абсолютизация их роли в жизни общества (12 %), позитивный настрой в отношении трансформационной роли ИКТ (47 %) и технопессимизм (12 %). Часть студентов не вошли ни в один из этих типов ввиду слишком противоречивых ответов. Несмотря на различия выделенных типов, каждый из них абсолютизирует роль цифровизации, только одни делают это со знаком «плюс», а другие – со знаком «минус».

Не получив в полном объеме необходимой для формирования научного мировоззрения информации от старшего поколения, включая педагогов, молодежь может обратиться к онлайн-источникам информации, не умея дать им критическую оценку. Вероятно, в рамках системы высшего образования назрела потребность в выработке нового ценностного дискурса, в котором цифровизация получила бы всестороннее рассмотрение как фактор противоречивого формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи. Молодые люди, увлеченные цифровыми технологиями, рассматривают их как инструмент построения будущей карьеры и получения высоких доходов, т. е. используют ИКТ в разработке индивидуалистической стратегии, получения личных преимуществ. Поэтому нельзя не согласиться, что обеспечение информационной безопасности студенческой молодежи «является одной из задач в рамках учебной и воспитательной работы современного преподавателя высшей школы» [11, с. 26]. Эта задача решается за счет системного информирования студенчества, предоставления всесторонней достоверной информации. Только качественное информирование, сопровождающееся аргументированными комментариями преподавателя, может убедить молодых людей и поднять их доверие всей системе образования. Подчеркнем, что информирование должно осуществляться не только в фор-

мах, официально установленных вузом; оно должно постоянно иметь место на занятиях по социально-гуманитарным дисциплинам, при личном общении со студентами, стать частью любого воспитательного воздействия. Основная нагрузка в противодействии идеологическим угрозам и рискам ложится именно на процесс преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, без которых невозможно формирование зрелого мировоззрения и чувств патриотизма и гражданственности. В цифровую эпоху студент должен не только уметь анализировать цифровую информацию, но и учиться разбираться в политической коммуникации, овладевать методами анализа политических текстов и проверки их на достоверность.

Рекомендации

В контексте цифровизации для повышения уровня подготовки специалистов, т. е. формирования у студенчества профессиональных знаний и ИТ-компетенций с учетом современных потребностей рынка труда, а также для сохранения неразрывной связи функции обучения с функцией воспитания система высшего образования должна учитывать описанные выше тренды и отвечать на вызовы в сфере образования. С учетом приоритета построения в Беларуси цифрового общества студенты всех специальностей нуждаются в цифровой культуре и ИКТ-компетенциях, поскольку все сферы жизни общества быстро изменяются под влиянием информатизации и цифровизации. Цифровые технологии предоставляют новые возможности в обучении этим знаниям и компетенциям, однако нельзя забывать, что использование ИКТ в каждой лекции и по каждой дисциплине может быть излишним. Обучение должно оставаться ориентированным на студента, а чтобы педагог сумел правильно направить профессиональное и личностное развитие молодого человека, необходим их прямой контакт. «Именно личное общение в полной мере позволяет преподавателю адекватно оценить потенциал каждого студента» [9, с. 24].

Эксперты предлагают такие меры по совершенствованию системы высшего образования в условиях цифровизации, как цифровое переобучение преподавателей, повышение их квалификации, которое должно базироваться на современных информационных программах; создание для всех преподавателей институциональной онлайн-поддержки, где можно получить новые методики, ознакомиться с онлайн-курсами и пособиями по их использованию. Рекомендуется осуществлять переход на смешанное обучение, гармонично сочетающее традиционные занятия с онлайн-курсами или перевод на дистанционный формат части любой читаемой дисциплины. Предлагается также усилить материальную базу вузов, расширить их технические возможности в организации информационно-компьютерной подготовки и онлайн-занятий [12, с. 39–41]. Эти рекомендации, высказанные еще до пандемии, остаются актуальными, поскольку соответствуют цифровым трендам трансформации высшей школы.

С учетом полученных социологических данных и факта широкого использования ДО в условиях пандемии можно предложить следующие направления совершенствования системы высшей школы:

1) повышение цифровых компетенций преподавателей высшей школы (внедрение новых форматов и технологий, проведение тренингов в вузах, создание системы поощрений и мотивации педагогов, чтобы их дополнительные усилия всегда были отмечены и справедливо оценены руководством);

2) внедрение новых методов обучения, новой методики, корректирование учебных программ и планов с учетом внедрения форм ДО (ИКТ) при сохранении приоритета ориентации образования на студента, его потребности, развитие его личности как будущего профессионала и как гражданина;

3) разработка новых средств по развитию личности студентов в условиях смешанного обучения и угрозы пандемии, поддержание живого общения профессорско-преподавательского состава со студентами в аудитории и вне ее, поскольку процесс обучения включает не только потребление знаний и приобретение компетенций, но и воспитательный аспект, который реализуется только личностно;

4) реализация мероприятий по уменьшению цифрового неравенства студентов в условиях пандемии и перехода на ДО (обеспечение доступа студентов к необходимой технике в общежитиях, в свободных компьютерных классах вуза и т. п.);

5) повышение технического уровня оснащенности вузов, укрепление их технологической базы и скорости Интернета. Приоритетом для вузов должно стать развитие беспроводных высокоскоростных сетей доступа к сети Интернет при обеспечении технологической и информационной безопасности персональных данных преподавателей и студентов в системе.

Поскольку БГУ уже реализовал многое из предложенных направлений, наши рекомендации были построены с учетом этого позитивного опыта.

Возможно, и на уровне министерства нужны некоторые подвижки. Например, предоставление вузам самостоятельной возможности гибкого регулирования организации процесса обучения, внесения в него ситуативных изменений в связи с ДО. В условиях пандемии нужна система отсрочек оплаты образования студентов, так как у части семей снизился доход. В качестве эксперимента вузы могли бы создавать индивидуализированные образовательные траектории для студентов, которые в них нуждаются в силу ряда причин. Используя мировой опыт, можно расширить варианты индивидуализации обучения через возможность увеличения нормативных сроков обучения, если по уважительным причинам студент не смог в срок освоить дисциплину при переходе на онлайн.

Нужно внедрять в практику новые формы самостоятельной работы студентов. На первом году обучения полезны специальные адаптационные курсы для освоения студентами новых цифровых инструментов учебной деятельности. Для молодежи необходимы специальные вводные занятия по ознакомлению с университетской жизнью, ее правилами, этикой коммуникации между профессорско-преподавательским составом и студентами, изучение уставов каждого вуза и других документов, регламентирующих жизнь в вузе. Студенты должны сразу осознать, что функционирование института образования происходит по своим правилам, диктуемым не цифровизацией, а государственными стандартами и общественными ценностями. Эти правила не входят в комплекс профессиональных компетенций, которыми должен овладеть студент, однако они не менее важны для социализации молодого человека в вузе, а затем в реальной профессиональной жизни.

Необходима специализированная помощь иностранным студентам, которым пандемия не позволила вовремя приехать на учебу. Возможно, им нужны специальные (включая платные) программы освоения дисциплин в период перехода на ДО или продление обучения в летний период для наверстывания пропущенного материала. Полагаем, что эти меры могут повысить конкурентоспособность белорусских вузов на международной арене или хотя бы не потерять уже достигнутое.

Требует тщательной проработки разрешение проблемы приоритета форм обучения. Возможно, для отдельных видов учебной деятельности или отдельных разделов дисциплин можно признать возможность их перевода на ДО и после пандемии. В целом вузы должны иметь возможность самостоятельно выбирать пропорции комбинирования дистанционных и традиционных методов обучения с учетом своих возможностей и специализаций.

Подводя итог проведенного анализа ситуации, связанной с изменениями учебно-воспитательной деятельности преподавателей высших учебных заведений в условиях цифровизации, повторим главное. Необходим вариативный подход к новым вызовам высшей школе, допускающий больше свободы вузов в определении методов и форм организации обучения в нынешних условиях (оптимизация расписания занятий, элективные курсы, гибкость учебных планов). Гибкие формы, разнообразные средства и методы обучения, направленные на сохранение качества образования, должны стать реальностью. Большую роль в реализации этих мер будет играть развитие цифровой образовательной среды вуза (улучшение скорости и доступа в Интернет, техническое переоснащение, совершенствование работы университетских образовательных порталов). При этом администрация вузов должна сохранять контроль над размещаемым студентами контентом на образовательном портале (рисунки, символика и т. п.).

Еще раз подчеркнем, что обучение и воспитание молодого поколения – это две стороны единого процесса формирования личности профессионала и гражданина. Знание культуры повседневного общения и этики межличностной коммуникации, норм поведения в аудитории и в виртуальном пространстве не приходит к нынешним студентам само по себе, этому необходимо учить в вузе. Сегодня овладение ИКТ можно отнести к обобщенным базовым компетенциям, а культура и этика – универсальные компетенции, часть личностной культуры молодого человека. Если университет ориентирован на подготовку специалиста и гражданина, то образовательная среда должна формировать и то и другое. Университетская образовательная среда, органично соединяющая обучение и воспитание, поможет университету стать конкурентоспособным, притягательным для студентов и преподавателей. Ее значимость в обеспечении стабильного функционирования системы высшего образования лишь возрастает в условиях цифровизации.

Список использованных источников

1. *Воронкова, В. Г.* Становление и развитие цифровых технологий как фактор реализации четвертой промышлен-

ной революции / В. Г. Воронкова, Т. В. Тесленко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2020. – № 2. – С. 4–11.

2. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования / И. С. Батракова [и др.] // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 8–9. – С. 9–19.

3. *Кузьмин, С. В.* Цифровая трансформация высшего образования в восприятии белорусских студентов / С. В. Кузьмин, А. А. Савчук // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2021. – № 3. – С. 62–65.

4. *Минина, В. Н.* Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты / В. Н. Минина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, вып. 1. – С. 84–101.

5. *Голякова, И. В.* Дистанционное обучение в условиях COVID-ограничений глазами преподавателей и обучающихся вузов / И. В. Голякова, В. А. Карпиевич, В. Н. Сергеев // Высшая школа. – 2021. – № 5. – С. 3–7.

6. *Радаев, В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М.: Высш. шк. экономики, 2019. – 224 с.

7. *Пинчук, И. В.* Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения / И. В. Пинчук, А. П. Дервин // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2019. – № 4. – С. 98–104.

8. *Титаренко, Л. Г.* Цифровая культура молодых специалистов как драйвер сферы труда / Л. Г. Титаренко // Труд в современной российской экономике: социальное измерение / под ред. В. Н. Мининой, Р. В. Карапетяна, О. В. Вередюк. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – С. 83–114.

9. *Журавков, М. А.* Что важнее в системе высшего образования: «здоровый консерватизм» или «революционные преобразования»? / М. А. Журавков, О. Н. Вярвильская // Высшая школа. – 2021. – № 4. – С. 22–25.

10. *Слука, О. Г.* Система воспитания молодежи в процессе консолидации общества / О. Г. Слука // Высшая школа. – 2021. – № 2. – С. 16–21.

11. *Писарчик, А. С.* Обеспечение информационной безопасности студенческой молодежи в условиях современного положения Республики Беларусь в системе международных отношений / А. С. Писарчик // Высшая школа. – 2021. – № 5. – С. 26–31.

12. *Ковалев, М. М.* Образование для цифровой экономики / М. М. Ковалев // Цифровая трансформация. – 2018. – № 1(2). – С. 37–42.

Аннотация

В статье представлен анализ социологических данных по восприятию студентами и преподавателями вузов изменений обучения в условиях цифровизации. Выявлено, что достигнут высокий уровень адаптации к новым условиям обучения. Предложены практические рекомендации по совершенствованию образовательно-воспитательного процесса.

Abstract

The article presents an analysis of sociological data on the perception by students and university teachers of changes in education in the context of digitalization. It was revealed that a high level of adaptation to new learning conditions has been achieved. The author offers practical recommendations for improving the educational process under conditions of digitalization.

Развитие цифровых компетенций преподавателя высшей школы: затруднения и возможности

Т. И. Краснова,
кандидат психологических наук, доцент,
Республиканский институт высшей школы

Вынужденная виртуализация образовательного процесса, охватившая все уровни образования в ситуации пандемии COVID-19, стала важным вызовом, который эксплицировал ряд проблем, обычно скрытых в традиционном очном обучении, и позволил зафиксировать принципиально новый этап экспансии электронного обучения.

Трансфер образовательного процесса в виртуальное пространство в высшей школе позволяет сегодня констатировать факт перехода точки невозврата. Полученный уникальный опыт, когда практически «с колес» приходилось переформатировать основные и вспомогательные процессы обучения, управления и поддержки, сегодня активно анализируется и исследуется экспертами, при этом не утихают дискуссии и выстраиваются прогнозы относительно перспективных траекторий развития высшего образования.

В данном контексте в статье будет предпринята попытка ответить на следующие вопросы: какие звучат позиции относительно перспектив перехода высшего образования в онлайн и какой образ будущего рисуется в данных дискуссиях? Какие вызовы в данной ситуации вынужден принять преподаватель как основной актор происходящих трансформаций образовательных процессов?

Возможные видения изменений образовательного ландшафта университетов

В профессиональном сообществе сейчас сосуществует несколько видений перспектив виртуализации образовательного процесса в высшей школе, которые условно можно представить в следующем виде:

- пережить и вернуться в старый традиционный формат;
- полностью перейти к онлайн-курсам и дистанционному обучению [1];
- развивать разные модели смешанного обучения (blended learning).

Первый сценарий связан прежде всего с феноменом сопротивления преподавателей цифровизации образовательного процесса: «ничто не заменит живое общение преподавателя со студентами». Интересно, что опыт работы «на удаленке» у достаточно большой части преподавателей не изменил негативные установки в отношении онлайн-форматов [1]. Это сопротивление – очень тонкий момент, который не может быть просто отброшен. С точки зрения отношения к внедрению электронных ресурсов и средств ситуацию можно описать формулой «Ни “да”, ни “нет” инновации. А “не совсем” или формально». Очень любопытный феномен двойственного отношения

преподавателей к происходящим изменениям, зафиксированный в исследованиях, может быть упомянут в данном контексте: «Проблемой является противоречие между ценностным идеологическим принятием цифровых инноваций и отказом от них на уровне личного опыта» [2, с. 31].

В целом сопротивление профессионалов изменениям – ожидаемая «нормальная» реакция. Как отмечают эксперты, само по себе внедрение новых технологий возможно, но без изменения культурного контекста неэффективно. В качестве одного из средств возможных объяснений данной ситуации можно использовать модель, описывающую управление изменениями, – ADKAR (Awareness – осведомленность, Desire – желание, Knowledge – знание, Ability – способность, Reinforcement – подкрепление) [3]. В ней акцентируется внимание на том, что успех организационных изменений зависит от способности каждого человека, участвующего в нем, к трансформациям, а именно: у него должно быть осознание необходимости изменений; желание поддерживать и участвовать в изменениях; знание, каким образом меняться; способность внедрять изменения; обеспечение поддержки этого процесса изменений извне.

Хотя сопротивление не есть сущностный аргумент для остановки виртуализации образовательного процесса, но оно является важным указателем на необходимость серьезного внимания университетов к налаживанию процесса работы с барьерами на пути внедрения EdTech не только на уровне овладения преподавателями технологиями, но и на уровне ментальных установок и редизайна образовательных программ [4]. Это предполагает наличие у управленцев желания работать с институциональным сопротивлением и плана трансформаций: «Есть не только внедрение, но и освоение инновации. Впечатление, что это остается в тени. Мы должны не только назвать вузу “рецепты” для внедрения, но и думать, что происходит с точки зрения освоения: прежде всего, как пересматривать дидактику» [5].

Второй сценарий – переход к онлайн-курсам и дистанционной форме. С одной стороны, этот переход может быть поддержан рядом доводов. Во-первых, если лекция представляет собой воспроизведение того, что уже есть в другой форме (электронные материалы в Интернете, онлайн-курсы), и студенты смогут ее скачать, то она становится абсолютно бесполезной. Во-вторых, самостоятельное изучение учебных материалов онлайн (офлайн) эффективнее, чем конспектирование их устного изложения, поскольку студент сам управляет темпом и глубиной понимания материала. В-третьих, в онлайн (офлайн)-обучении возможности активизации самостоятельной учебной деятельности всех без исключения студентов гораздо шире, чем в обычном очном, потому что в нем можно предусмотреть как большее разнообразие

учебных заданий, так и индивидуализацию траектории их выполнения. С другой стороны, есть доводы, которые существенно проблематизируют данный сценарий. Например, далеко не всем видам деятельности в рамках определенных специальностей можно учить в виртуальном пространстве (медицинские, инженерные и др.). Еще один аргумент связан с качеством производимых электронных продуктов, которое может нести репутационные риски для университетов, и др.

К перспективам обоих этих сценариев многие эксперты относятся достаточно скептически. Минус первого состоит в том, что «студенты и преподаватели в полной мере вернуться к прежним практикам и забудут об опыте онлайн-взаимодействия», а второго – в том, что «вузы начнут на скорую руку клепать плохие онлайн-курсы» [6].

Третий сценарий смешанного формата использования электронных средств и ресурсов имеет свои предпочтения, которые доказал опыт функционирования высшего образования в период пандемии. Основной вывод, который делают эксперты из анализа сложившейся за последние два года практики, состоит в том, что «ряд важнейших процессов университетской жизни слабо поддается цифровизации», что «полная реализация образовательных программ в дистанционном формате невозможна», а «будущее за широким использованием цифровых технологий и дистанционного формата в сочетании с совместной деятельностью преподавателей и студентов в общем физическом пространстве» [1, с. 7]. Что же касается форматов собственно онлайн-образования, то в ближайшее время приоритет будет отдан онлайн-курсам, смешанным формам (в онлайн переводятся только лекции), онлайн-конференциям, тренажерам и симуляторам [6].

Итак, если выбрать сценарий смешанного обучения, то одним из условий его полноценной реализации должно стать расширение перечня позиций преподавателя. На смену преподавателю-ментору приходят позиции, центрированные на управленческих, посреднических функциях: фасилитатор, модератор, тьютор, координатор образовательной онлайн-платформы, игромастер и т. д. Если не включается цифровая дидактика, если не меняется позиция, если не трансформируется тип реализуемой преподавателем интерактивности (а об этом свидетельствуют результаты исследований), то ожидать принципиального улучшения качества образовательного процесса от его виртуализации, гибридации не приходится [4]. Обостряется проблема «входа» в новые реалии виртуализированного образовательного пространства со «старой» дидактикой и традиционной позицией преподавателя. Соответственно актуализируется задача анализа дефицитов компетенций преподавателей высшей школы, требуемых для реализации гибридных моделей обучения.

Затруднения преподавателей при работе в виртуальной образовательной среде

К сожалению, сегодня многие преподаватели не готовы к дизайну и реализации образовательного процесса в дистанционном, онлайн, гибридном форматах обучения. Одно из серьезных препятствий связано с привычкой организовывать процесс обучения достаточно спонтанно и интуитивно (безусловно, при наличии учебных программ и материалов), в то время как онлайн-обучение предполагает полную «прозрачность» и управляемость организации образовательного процесса.

Обнаруженные проблемы и соответствующие дефициты компетенций можно дифференцировать в несколько групп. Некоторые из них имеют организационно-технический характер. Обозначим их кратко:

- *организационные (ресурсные)* – возрастание нагрузки, т. е. трудоемкости в создании и сопровождении курса (по оценкам экспертов, например, для проектирования онлайн-курса необходимо в два раза больше времени, чем для проектирования традиционного курса) [7]; отсутствие адекватной трудоемкости онлайн-обучения оплаты труда (или перераспределения нагрузки), технической поддержки и т. п.;

- *юридические* – проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью на размещаемый в виртуальном пространстве контент, на помещаемые в локальной сети университетов материалы из Интернета и др.;

- *технические* – операциональные затруднения в использовании систем управления обучения (например, LMS Moodle) и т. п.

Более детально остановимся на тех проблемах, которые отражают непосредственно содержание педагогической деятельности преподавателя высшей школы.

Дидактические сложности в использовании моделей педагогического дизайна (цифровая дидактика) для разработки электронных курсов или модулей обусловлены дефицитом умений: обеспечивать целостность онлайн-курса или модуля (соответствия целей содержанию, методам обучения, оценке); конструировать учебные задания для цифровой среды; использовать ресурсы информационно-образовательной среды УВО; критериально отбирать учебные задачи, для которых онлайн-формат наиболее адекватен; встраивать онлайн-курсы, в том числе MOOC, в учебные планы и др.

Наибольшее опасение в данном контексте вызывает ошибочное представление преподавателей о том, что преподавание курса в онлайн – это простой перенос очного курса. Здесь срабатывает несколько установок. Одну из них можно обозначить как «магия контента» – фокусировка на образовательном контенте, т. е. упование на то, что переведенное в цифру содер-

жание будет обучать само по себе. Возможно, поэтому многие курсы, выложенные на дистанционных платформах УВО, чаще всего в LMS Moodle, представляют собой совокупность информационно-образовательных ресурсов и не более того. Вторую установку можно обозначить как «магия технологии» – вера в то, что использование ИКТ само по себе трансформирует качество образовательного процесса, что по сути таковым не является. Смысл этих установок состоит в том, что переход в виртуальное образовательное пространство, использование информационных технологий происходят без трансформации педагогических установок, т. е. технологии используются новые, а дизайн образовательного процесса остается архаичным, воспроизводя традиционную парадигму обучения.

В ситуации расширения практики использования в образовании ИКТ-технологий обостряется вопрос о том, на реализацию каких целей и соответствующих им образовательных результатов они работают – на традиционные или инновационные? В этом контексте представляет интерес модель SAMR (Р. Пуэнтедура), сконструированная с учетом трех важных критериев, определяющих эффективность использования ИКТ:

- четкость и прозрачность целей и задач курса (задания) для всех участников образовательного процесса;
- информационная и медийная компетентность преподавателя;
- взвешенный и аргументированный выбор конкретного инструмента (технологии или метода) [8].

Модель показывает возможности четырех уровней интеграции информационных технологий в процесс обучения. Нижние уровни («приращение» и «подмена») – использование компьютерных инструментов по принципу простой замены традиционных методов и технологий обучения – по существу работают на цели традиционного образования [8]. Верхние уровни («перепроектирование» и «переопределение») работают на качественно иные цели и существенно изменяют образовательный процесс, открывают ранее недоступные возможности и реализуют функции инновационных инструментов обучения [8]. Анализ практики показывает, что сегодня чаще всего задействуются только два первых уровня, т. е. преподаватели используют цифровые приложения и сервисы под традиционные задачи трансляции информации.

Методические трудности в управлении учебной деятельностью с использованием ИКТ-сервисов и курсов обусловлены дефицитом умений использовать сетевые сервисы для организации групповой работы (проектной, исследовательской и т. п.), применять инструменты навигации и визуализации для управления вниманием и вовлечения студентов в образовательный процесс онлайн, модерировать разные ветки коммуникации (студент – студент, студент – студенты,

преподаватель – студент, преподаватель – студенты), лаконично, ясно и своевременно организовывать обратную связь, в том числе письменную, использовать методы онлайн-оценивания и т. д.

Одной из важных и сложных методических функций поддержки динамики образовательного процесса в виртуальном пространстве является обеспечение оптимальной (как правило, большей) плотности информации и интерактивности. Так, многие преподаватели отмечают, что большинство студентов очень вяло и пассивно ведут себя во время онлайн-лекций. В этом случае есть угроза превратить ее в формат «голова, говорящей с темным экраном». Если в аудитории активность могла возникнуть спонтанно и ситуативно, то в формате онлайн приходится использовать специальные приемы (коммуникативные техники, сетевые сервисы и т. п.), чтобы «подключить» обучающихся к коммуникации. То есть те умения преподавателей, наличие которых не столь критично в очном обучении, становятся предельно востребованными в электронном. Можно конкретизировать перечень затруднений в коммуникации онлайн:

- сложность установления контакта и удержания внимания из-за отсутствия фокусировки взглядов;
- физическое «выпадение» участников из взаимодействия (отходит от компьютера в другую комнату, переписывается с кем-либо в мессенджерах и т. п.);
- проблема обеспечения перманентной включенности обучающихся в образовательную коммуникацию;
- разрушительность неточности и многословность в коммуникации онлайн;
- негативное влияние задержек (затянувшихся пауз) в коммуникации;
- более обостренное ощущение потери времени в ситуациях отклонения от темы, экспансии коммуникации кем-то одним;
- сложность установления контакта с пассивными обучающимися;
- невнятность для преподавателя целей вовлечения обучающихся в коммуникацию онлайн;
- использование коммуникации для визуального, развлекательного эффекта, а не для достижения определенных образовательных результатов [7].

Психологические затруднения, проявляющиеся в недоверии к онлайн-обучению, в сопротивлении или антагонистическом противопоставлении очного и онлайн-обучения.

В последние годы для преподавателей высшей школы сложились очень неординарные обстоятельства: уважаемые, опытные профессионалы со степенями и званиями оказались в необычной для себя позиции «новичка», которая требовала трансформации привычной академической роли ментора и овладения навыками педагогической деятельности в виртуальной среде. По сути, ситуация заставляла столкнуться с дефицитом компетенций, необходимых для работы

онлайн. При этом речь идет не столько об овладении системами управления обучения (например, LMS Moodle, цифровыми сервисами), сколько об использовании методик педагогического сопровождения взаимодействия преподавателя и студента в виртуальной среде.

О серьезности такой ситуации для преподавателей свидетельствуют данные исследований, фиксирующие, что от 5 % до 30 % преподавателей, в зависимости от конкретного учреждения высшего образования, не смогли освоить новые способы и средства организации обучения в виртуальном пространстве и, по сути, перешли на заочную форму обучения [1]. В этих условиях возник интересный феномен – цифровые волонтеры-студенты, которые на добровольных основаниях начали помогать своим преподавателям работать в виртуальной среде. В некоторых вузах даже появились группы, штабы IT-волонтеров.

Еще один любопытный феномен, иллюстрирующий психологические затруднения, связан с накапливающимся у преподавателей недоверием к образованию онлайн, выражаемым в разных аспектах. Прежде всего оно связано с ощущением появления нового для преподавателей конкурента – онлайн-курсов. Безусловно, это может быть проинтерпретировано как еще одна причина сопротивления части преподавателей работе в виртуальном пространстве и освоению сетевых сервисов.

Этические затруднения весьма разнообразны. Зафиксируем лишь одну из них, связанную со сложностями идентификации личности обучающихся (феномен анонимного пользователя).

Один из важных этических аспектов связан с увеличением риска академического мошенничества, особенно при проведении разных видов аттестаций онлайн (текущей, промежуточной, итоговой). Перевод экзаменов в онлайн-режим связан с проблемой идентификации личности обучающихся и, соответственно, является не только технической, но и этической проблемой. Разные университеты во время пандемии решали ее по своему усмотрению. Например, апробированы такие стратегии, как перевод устных экзаменов в онлайн-режим, использование прокторинга (наблюдение за процессом выполнения аттестационной работы специалистом-проктором с использованием веб-камеры и (или) специального программного обеспечения), практикование формата экзамена с открытым доступом ко всем информационным ресурсам (Open-book exams), изменение системы оценивания и др. [9]. В целом переход в онлайн породил новые варианты академического мошенничества и всерьез требует формирования особого виртуального этикета, начиная с простых действий, например, активизации изображения обучающегося на экране во время занятий, и заканчивая сложными системами обеспечения безопасности и приватности участников образовательного процесса.

В качестве одного из решений проблемы дефицитности цифровых компетенций преподавателей высшей школы может рассматриваться разработка такой программы повышения квалификации (или индивидуальной траектории профессионального саморазвития), которая работала бы на стимулирование и поддержку в преодолении затруднений и сопротивления в работе со студентами в виртуальной образовательной среде. И тогда первый вопрос для разработки такой программы – это целеполагание, основанием для которого могут быть как отрефлексированные в практике и частично описанные выше затруднения, так и идеальный ориентир, в качестве которого может рассматриваться цифровой профиль преподавателя.

Цифровой профиль преподавателя высшей школы как целевой ориентир для профессионального развития

В качестве инструментов конкретизации основных групп цифровых компетенций преподавателя высшей школы можно, на наш взгляд, рассматривать Европейскую рамку цифровых компетенций для граждан и Европейскую модель цифровых компетенций для образования [10]. Спецификация данной модели для отечественного высшего образования, безусловно, является отдельной большой исследовательской задачей. В рамках нашей статьи можно предложить только некоторый эскиз групп компетенций данного профиля.

Компетенции профессионального развития посредством цифровых технологий:

- взаимодействие с коллегами;
- обмен разработками (научными, педагогическими и т. п.);
- сотрудничество в исследовательской деятельности;
- коммуникация в профессиональных сетевых сообществах, участие в вебинарах, интернет-конференциях и т. п.;
- соблюдение принципов конфиденциальности личной информации и т. д.

Компетенции взаимодействия (использования) с цифровыми ресурсами:

- поиск, анализ, сравнение и критериальный выбор цифровых ресурсов в соответствии с целями и задачами обучения;
- оценка достоверности цифрового контента;
- создание, модификация качественного цифрового контента в соответствии с целями обучения;
- использование средств защиты контента в цифровой среде и т. д.

Компетенции обучения (использование цифровых технологий на разных этапах обучения):

- использование цифровых технологий для организации самостоятельной работы студентов;

- использование сетевых сервисов для организации и поддержки групповой работы студентов (проектной, исследовательской и т. п.);

- использование цифровых технологий для поддержки сотрудничества и образовательной коммуникации между студентами;

- активное использование цифровых технологий для разработки учебных интерактивных заданий;

- использование сетевых средств геймификации образовательного процесса;

- использование цифровых средств, моделирующих профессиональную деятельность (тренажеров, симуляторов, технологий виртуальной реальности (VR), средств дополненной реальности);

- использование технологий искусственного интеллекта в образовании (интеллектуальных обучающих систем, чат-ботов) и т. д.

Компетенции оценивания (использование разнообразных цифровых средств для мониторинга образовательных результатов):

- использование цифровых средств для реализации разных методов автоматического оценивания (отметочных и безоценочных);

- использование цифровых инструментов для предоставления обратной связи;

- использование цифровых технологий для анализа онлайн-активности студентов;

- использование цифровых средств борьбы (например, системы прокторинга) с академическим мошенничеством (например, плагиат, сдача экзамена за другого человека) и т. д.

Компетенции расширения образовательных возможностей студентов (использование цифровых сервисов с учетом индивидуальных образовательных потребностей):

- использование адаптивных возможностей цифровых технологий в реализации образовательного процесса;

- отбор цифровых ресурсов и средств с учетом индивидуальных образовательных возможностей;

- использование цифровых технологий, позволяющих реализовывать индивидуальную образовательную траекторию, и т. п.

Компетенции развития цифровой компетентности студентов:

- включение заданий для студентов на создание цифрового контента;

- включение заданий для студентов на использование цифровых технологий;

- включение заданий на оценку достоверности данных и т. п. [10].

В заключение хотелось бы вернуться к исходным вопросам статьи, задавшим логику разворачивания ее содержания, и сделать некоторые выводы.

Во-первых, несмотря на разнообразие видений перспектив образовательного ландшафта университетов,

его цифровизация может быть зафиксирована как устойчивый факт, закрепленный опытом проживания высшей школой периода пандемии. Конечно, остаются открытыми вопросы о балансе очного и электронного обучения, но это уже нюансы, вопросы тактики.

Во-вторых, очень важна в этой сложной ситуации позиция преподавателей, поскольку во многом именно они являются ключевыми субъектами трансформации образовательного процесса. Произойдет ли, по емкому выражению экспертов, «цифровая трансформация современных преподавателей» [2]? Ключевым моментом, с нашей точки зрения, в поиске ответов на вызовы цифровизации высшего образования является забота о преподавателе в аспекте развития его цифровых компетенций.

В-третьих, в этом контексте важен анализ причин тех затруднений, которые испытывает преподаватель в работе в виртуальной образовательной среде, и разработка его цифрового профиля.

И наконец, в-четвертых, выбор способов решения проблемы развития цифровых компетенций преподавателей высшей школы достаточно сложен, поскольку наряду с освоением конкретных операциональных, методических и иных действий предполагается смена профессиональной установки, а она, как указывалось выше, имеет двойственное отношение к цифровизации. В этом контексте перспективным, на наш взгляд, представляется редизайн программ повышения квалификации преподавателей высшей школы на основе моделей смешанного (гибридного) обучения.

Список использованных источников

1. Уроки «стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 2020. – 3 июля. – Режим доступа: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2777.

2. *Розозин, Д. М.* Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования / Д. М. Розозин // Вопросы образования. – 2021. – № 1. – С. 31–51.

3. *Беляев, М. К.* Управление организационными изменениями: учеб. пособие [Электронный ресурс] / М. К. Беляев, С. А. Соколова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Волгогр. гос. архит.-строит. ун-т. – Электронные текстовые и графические данные (1,0 Мбайт). – Волгоград: ВолгГАСУ, 2016. – 91 с.

4. Toward a model of learning innovation integration: TPACK-SAMR based analysis of the introduction of a digital learning environment in three Russian universities [Electronic resource] / E. Drugoval [et al.] // Education and Information Technologies. – 2021. – 27 March. – Mode of access: https://link.springer.com/article/10.1007/s10639-021-10514-2?fbclid=IwAR1TO0quqG334COzHWgrzrW9Jw_HgT3hoPq6BalkfctUeb_wbr3flziBAJQ.

5. Когда «цифру» внедряют сверху, педагоги видят в этом недоверие к себе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/news/461859773.html>.

6. Высшее образование не вернется в старый формат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/%20edu/360910425.html>.

7. *Галиханов, М. Ф.* Подготовка преподавателей к онлайн-обучению: роли, компетенции, содержание [Электронный ресурс] / М. Ф. Галиханов, Г. Ф. Хасанова // Высшее образование в России. – 2019. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-prepodavateley-k-onlayn-obucheniyu-rol-i-kompetentsii-soderzhanie>.

8. Модель SAMR – универсальный язык интеграции ИТ в обучение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roachinthenet.blogspot.com/2016/05/samr.html#.XAo1QtszZ0w>.

9. COVID-19 и ГИА-2020: стратегии проведения выпускных экзаменов в зарубежных и российских университетах [Электронный ресурс] / Е. В. Пучков [и др.] // Институт образования НИУ ВШЭ. – Режим доступа: https://ioe.hse.ru/sao_gia.

10. Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики. Аналитический отчет. Корпоративный университет Сбербанка / И. Н. Баранов [и др.]. – М.: АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2018. – 122 с.

Аннотация

В профессиональном сообществе ведутся дискуссии относительно перспектив высшего образования, связанных с процессом цифровизации. Контекст размышлений задает пережитый опыт пандемии. Обсуждаются как минимум три точки зрения, каждая из которых имеет свои аргументы: полный возврат в традиционный очный формат; переход к онлайн-курсам и дистанционному обучению; развитие смешанного обучения. Практика работы преподавателей в виртуальном образовательном пространстве показывает, что они сталкиваются с целым рядом затруднений, обусловленных дефицитом цифровых компетенций: дидактических, методических, психологических, этических, организационных и т. п. Разработка цифрового профиля преподавателя высшей школы могла бы стать целевым ориентиром редизайна программ повышения квалификации и операционализировать перспективу профессионального развития.

Abstract

The discussions in the professional community about the prospects of the higher education digitalization are actively underway. The experience of the pandemic determines the context of thinking. At least three points of view are discussed, each of which has its own arguments: full return to the traditional face-to-face format, transition to online courses and distance learning, development of blended learning. The practice of teachers' work in the virtual educational space shows that they are faced with a number of difficulties due to the lack of digital competencies: didactic, methodological, psychological, ethical, organizational, etc. The development of a digital profile of a higher school teacher could serve as the target for the redesign of professional development programs and operationalize the perspective of professional development.

Цифровизация как вектор формирования личности современных студентов в учреждении высшего образования

А. А. Ковалевская,
доцент кафедры специальной педагогики
и методик дошкольного и начального образования,
кандидат педагогических наук, доцент,
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

В быстро изменяющихся экономических, социально-культурных, демографических условиях происходит смена приоритетов в образовании, появляются новые технологии, методики обучения, воспитания и развития студентов учреждений высшего образования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью внедрения принципов и технологий, обеспечивающих совершенствование образовательной деятельности на основе использования электронных коммуникаций, внедрения вариативных форм, методов, современных компьютерных технологий в учебный процесс. Значимость диктуется возможностью интенсивного развития памяти и восприятия, творческого и воссоздающего воображения, эмоционально-волевой сферы и высших эстетических чувств, критического и креативного мышления, высокой адаптивности в условиях сложности и неопределенности, инициативности и предприимчивости. Социокультурная актуальность цифровизации образования состоит в том, что она создает базу для перехода на новый уровень, определяемый Государственной программой развития цифровой экономики и информационного общества [1] и Государственной программой «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. в Рес-

публике Беларусь [2]. Вследствие этого образование является переходом в цифровую эпоху, укрепляющим позиции конкурентоспособными, высококлассными специалистами, востребованными и успешными личностями.

Проблема исследования заключается в снижении интеллектуального и духовного уровней коммуникативного цифрового сотрудничества педагогов и студентов в учреждении высшего образования. В образовании зарождаются противоречия между:

- динамизмом развития цифровизации и стереотипизацией осознания происходящего педагогами «поколения демографического взрыва» (1943–1962 г. р.), «неизвестного поколения» (1963–1983 г. р.) и студенческой молодежью;
- растущим отставанием от требований, предъявляемых цифровой экономикой, общественной жизнью, и приверженностью традиционным технологиям;
- игнорированием цифровых инструментов в образовании и широким применением их на практике.

Теоретический анализ литературы показывает, что в образовании цифровизация направлена на обеспечение непрерывности процесса обучения (life-long-learning – обучение в течение жизни) и его индивидуализацию (advanced-learning technologies – технологии продвинутого обучения). По мнению ученых, в настоящее время цифровизация в образовании предполагает:

- изменение парадигмы общения и взаимодействия (А. Марей [3]);
- комплексное решение инфраструктурного, управленческого, поведенческого, культурного характера путем перевода информации в цифровую форму (Е. Л. Варганова, М. И. Максеев, С. С. Смирнов [4]);
- ориентирование в потоке цифровой информации (Н. Н. Битюцкая [5]);
- мобильное обучение с использованием персональных цифровых устройств (И. В. Налетова [6]);
- игрофикацию (Т. И. Краснова [7]) и др.

По мнению Л. В. Орловой, компетенциями XXI в. выступают критическое и креативное мышление, высокая адаптивность в условиях сложности и неопределенности, инициативность и предприимчивость, ответственность, инновационность, эмоциональный интеллект [8]. Одновременно цифровая революция, с одной стороны, делает морально устаревшей традиционную методологическую школу, с другой – порождает доступность информации в различных ее формах (текстовой, звуковой, визуальной). В. Е. Бочков,

Г. А. Краснова, В. М. Филиппов [9] считают, что качественное изменение преподавательской деятельности предполагает формирование инновационного мышления, необходимость мотивации инновационной деятельности, умение работать с компьютером, понимание культурного контекста интернет-среды, саморазвитие, а студенческой – повышение результативности усвоения учебного материала, внедрение цифровых инструментов, использование методов искусственного интеллекта, освоение технологий облачных вычислений и виртуальной реальности, индивидуализацию образовательных траекторий и др.

Учение о преемственности поколений зародилось в трудах Д. Вико, выдвинувшего принципы классической теории поколений:

- саморазвитие общества осуществляется по внутренним законам и причинам в процессе смены поколений;
- просвещение является главным фактором прогресса в развитии общества;
- история есть смена поколений.

По мнению Ж. Кондорсе [10], поколение – это не только группа ровесников, а общность людей, имеющих сходный склад ума, объем положительных знаний и уровень нравственного совершенства. Е. М. Ожиганова [11], анализируя разработанную Н. Хоувом и В. Штраусом теорию поколений о циклической смене людей с повторяющимися ценностями и настроениями, применяет ее к современной ситуации, указывая, что возраст и ценности людей формируются под влиянием общественных, политических, экономических, социальных, технологических событий и воспитания в семье.

X, или «Неизвестное поколение», «13 поколение», «поколение с ключом на шее» (latch-key kids), – люди, рожденные в 1963–1982 гг. Их ценности – девиз «Думай о Родине, потом о себе», готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, надежда на себя, равноправие полов – формировались до 1993 г. Событиями, сформировавшими ценности, являются продолжение «холодной войны», перестройка, СПИД, наркотики, война в Афганистане, вера в будущее. Поколению перестройки характерно любопытство ко всему новому, преданность работе, результат, материальные блага и эффективность [11, с. 96].

Y (generation why), или «поколение Сети», «поколение Миллениум», «Нулевые», «поколение Next», «Эхо Бумеры», – люди, рожденные в 1983–2002 гг. Это первое несоветское поколение, ценностями которого стали гражданский долг и мораль, ответственность и умение подчиняться, немедленное вознаграждение. События, сформировавшие данные ценности, – распад СССР, теракты и военные кон-

фликты, атипичная пневмония, развитие цифровых технологий, мобильные телефоны, Интернет, бренды, близость с семьей, отсутствие стремления к долгосрочным планам, взаимосвязь социального статуса с материальными благами [11, с. 96].

Z, или «Цифровое поколение», «поколение XZ» (Digital children generation X), – люди, рожденные в 2003–2023 гг. Их ценностям еще только предстоит сформироваться в эпоху глобализации, Интернета, компьютерных технологий. Они имеют клиповое мышление и ценят открытость, обучение, саморазвитие, честность, реализм [11, с. 97].

Следовательно, знание психологических особенностей представителей каждого из этих поколений является непременным условием успеха в совершенствовании современного образования.

В УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» нами было проведено изучение цифровой грамотности студентов дневной формы получения высшего образования специальностей «Дошкольное образование» и «Начальное образование» 1–4-х курсов (179 обучаемых, принадлежащих к поколениям Y, Z) и заочной формы получения высшего образования 4-го курса специальности «Дошкольное образование» (27 респондентов поколений X, Y, Z). Цель исследования – создание студентами электронного методического ресурса по цифровой трансформации, т. е. виртуального методического кабинета для концентрации экспериментальной и образовательной деятельности и создания условий для эффективной подготовки современных студентов, учителей, педагогов-воспитателей и родителей.

Первым шагом исследования стали попытки перевести запланированные мероприятия в онлайн средствами дистанционного обучения и решение следующих задач:

- стремление к самообразованию, самовоспитанию и саморазвитию;
- сопоставление собственных интеллектуальных способностей с результатами деятельности сверстников различных учреждений высшего образования;
- популярность и открытость образовательных контентов;
- самоутверждение, самореализация и самосовершенствование личности.

На открытой лекции по дисциплине «Здоровье-сберегающие технологии в образовании» при нахождении студентов в нескольких аудиториях нами апробировались приложения ZOOM и Jitsi Meet. Для проведения консультаций применялись мессенджеры и закрытые группы в них (Whatsapp, Viber, ВКонтакте). Выявлено, что плюсами онлайн-формата является то, что участниками могли стать студенты из разных городов и стран; организаторов не ограничивал размер площадки; осуществлялся свободный обмен

текстами, видео, аудио, инфографиками, демонстрацией на экран; возможно привлечение различных преподавателей (даже из других учреждений высшего образования). Минусы онлайн-формата: снижение вовлеченности, совмещение просмотра трансляции с другими делами, технические сложности. Нами апробировались некоторые сервисы для дистанционных занятий: консультации через блог; создание курса видеуроков для дополнительных занятий и др. Студенты поколений Y, Z в электронный методический ресурс предложили включить видеуроки, электронные учебники и вебинары.

На занятиях по дисциплине «Организация взаимодействия учителя с семьей учащегося» студенты погружались в виртуальную реальность (интерактивные комнаты, примерочные, зеркала, экскурсии и др.). В ходе занятий студенты познакомились с интерактивной комнатой, представляющей собой сенсорное помещение, в котором могут находиться интерактивный стол для игры, развивающие упражнения и др.; интерактивная доска для проведения занятий по грамоте, математике, рисованию, развитию речи и образного мышления с обучающимися; интерактивный пол; интерактивная песочница; воздушно-пузырьковая панель и др. 87,4 % студентов были удивлены, что интерактивная примерочная выглядит как обычное зеркало. Она предназначена для примерки нарядов, обуви и аксессуаров виртуальной коллекции при помощи жестов, сохраняя результат в точной копии оригинала на основе бесконтактного управления. 98,5 % обучающихся не представляли интерактивное зеркало, имеющее дисплей, реализующий многофункциональные задачи: оснащение датчиком движения, сенсорной системой, камерой и принтером (музеи, музыка, видео, новости, голосовой поиск Ok.Google, Яндекс Алиса, социальные сети, Skype, Viber и др.). Обнаружено, что «Фото-зеркало», или «Селфи-зеркало», позволяет делать фотографии, отправлять на печать, почту, в социальные сети, включая звуковое сопровождение, информационно-справочные терминалы, светодиодные табло, проекционное оборудование, сенсорные панели и др. С помощью приложений и виджетов смарт-зеркало способно показывать отражение лица, электронные письма и сообщения в WhatsApp, Viber, статьи из онлайн-газет, проверять перечень запланированных дел, оповещать о пробках на дорогах, воспроизводить видео из YouTube, понимать голосовые команды, делать фотографии и отправлять их. Наиболее знакомой студентам формой оказались виртуальные экскурсии по музеям, театрам и городам мира (48,5 %). Однако особый интерес вызвала виртуальная экскурсия по г. Мозырю. Анализ результатов исследования показал, что у 98,5 % студентов отсутствуют знания по вопросам технологий виртуальной реальности. Вследствие этого задания по видеосъемке виртуальной экскурсии по родному

краю оказались востребованными. Студентами проведена видеосъемка экскурсий по городам (Бобруйск, Гомель, Светлогорск и др.) и сельской местности (Барбаров, Березовка, Бобренята, Наровчизна и др.) собственного места жительства. В электронный методический ресурс они предложили включить виртуальные экскурсии как уникальную возможность формирования критического мышления и интеллектуального развития личности.

В ходе занятий по дисциплине «Введение в научно-исследовательскую деятельность» были частично изучены облачные технологии (cloud computing) распределенной обработки цифровых данных. Нами осуществлялось приобщение студентов к таким технологиям, как Storage-as-a-Service («хранение как сервис»), Information-as-a-Service («информация как сервис»), Process-as-a-Service («управление процессом как сервис»), Application-as-a-Service («приложение как сервис»), Platform-as-a-Service («платформа как сервис»). Данные технологии позволили осуществлять доступ к личной информации с компьютера, подключенного к Интернету, и хранить ее в памяти устройств, делиться ею с однокурсниками, работать с разных устройств. Оказалось, что 65,5 % респондентов поколений X, Y не умеют использовать облачные технологии. В электронный методический ресурс они рекомендовали включить данные технологии как онлайн-сервис, предоставляющий современному студенту программные средства, методологию и инструменты для реализации целей, задач, проектов в педагогической деятельности.

На занятиях по дисциплине «Личностно ориентированный подход в образовательной деятельности» нами осуществлялось приобщение студентов к чат-боту – ключевой технологии, позволяющей им использовать аналитику, а также форму разговорного искусственного интеллекта, предназначенную для упрощения взаимодействия человека с компьютерами, запрашивающую резюмирующие и анализирующие результаты в устной форме. Студентами обнаружено, что голосовой помощник «Siri» прокладывает маршрут, создает будильник, планирует календарь, отправляет сообщения; «Алиса» создает впечатлительные дружеской беседы; Google отвечает на вопросы; Microsoft Cortana настраивает будильник, разбирается с электронными письмами, управляет музыкой. Выявлено, что студенты поколений Y, Z пользуются голосовым помощником «Алиса» и поисковиком Google, хотя 37,4 % студентов поколения X ответили, что не умеют их применять. В электронный методический ресурс они предлагали включить голосовые помощники «Алиса», Google, Yandex, позволяющие получать энциклопедические сведения.

Наиболее применяемыми оказались фитнес-браслеты – разновидность фитнес-гаджетов или фитнес-трекеров, облегчающих или сопровождающих

физические упражнения в зале или на открытом воздухе, контролирующие показатели здоровья (количество шагов, пульс, сон, калории и др.). Умные часы (англ. *smart watch*), смарт-часы (часофон) – это компьютеризированные наручные часы с расширенной функциональностью. Выяснено, что особенности современного гаджета заключаются в контроле над передвижениями в режиме реального времени. Результаты исследования показали, что наиболее часто студенты пользуются фитнес-браслетами и умными часами (79,6 %). Большинство из них считают необходимым ввести в электронный методический ресурс фитнес-браслеты, программы Waterbalance, Samsung Heals, Шагомер, необходимые для мониторинга физической активности и получения рекомендаций здоровьесберегающей направленности.

Анализируя результаты проведенного исследования, следует отметить, что современные студенты – это «цифровое, сетевое поколение», «цифровые аборигены» (*digitalnatives*), взрослеющие в эпоху Интернета, совершенствующие знания в сфере IT-технологий, компьютерной графики, стремящиеся эффективно тратить время для достижения цели, что диктует необходимость повышения их ИКТ-компетентности в образовательном процессе учреждения высшего образования.

Проведенное исследование показало, что сущность цифровизации заключается во внедрении современных цифровых технологий, построении интерактивной системы с обратной связью, выбором темпа и программ обучения, индивидуальной образовательной траекторией для студентов информационного общества. Современным студентам доступны различные способы получения информации, визуализации, клиповое мышление, отсутствие долговременных предпочтений, ожидание комфорта в будущем, уверенность в собственной оригинальности, коммуникация, кооперация, креативность и критическое мышление.

Как показали результаты исследования, особенностями представителей поколения X выступают прагматичность, средний уровень информационной грамотности, своевременность и ответственность выполнения задания. Студенты поколения Y находятся онлайн 24 часа и предпочитают обучаться в командных и групповых проектах, используя Интернет как повседневную часть жизни, имеют высокий уровень информационной грамотности. Обучающиеся поколения Z заинтересованы в создании собственного уникального контента и ориентированы на высший уровень информационной грамотности.

Влияние цифровизации на процесс взаимодействия преподавателя и студентов может быть представлено такими направлениями, как координация работы по развитию единой информационной среды, консультационная поддержка преподавателей и студентов в освоении новейших информационных технологий и инструментария интерактивных устройств, созда-

ние программных продуктов для внедрения в образовательный процесс учреждений образования в период прохождения педагогической практики. Перспективными элементами, необходимыми для осуществления взаимодействия педагога и студентов средствами цифрового контента, могут выступать сайты с QR-кодами, электронные учебники, онлайн-мастер-классы, виртуальные экскурсии, вебинары, компьютерные приложения смартфонов, мультимедиапрезентации и доски, задания, тесты, выполненные в мессенджерах, социальных сетях, видеоуроки и др.

Электронный методический ресурс создается для концентрации образовательных ресурсов, осуществления образовательной, экспериментальной, исследовательской деятельности и эффективного использования информационно-образовательных и телекоммуникационных возможностей в процессе профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста.

Таким образом, цифровая трансформация сознания педагогов и студентов – это:

- осознанный подход к замене процессов с программным кодом, учетом стратегического мышления и формирования новой цифровой культуры;
- выбор стратегии поиска информации;
- «выход из зоны комфорта», обеспечивающий подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих навыками и умениями уверенного решения профессиональных задач с использованием современного программного обеспечения и информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://nces.by/wp-content/uploads/psm235.pdf>. – Дата доступа: 22.01.2021.
2. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100057>. – Дата доступа: 22.01.2021.
3. *Марей, А.* Цифровизация как изменение парадигмы [Электронный ресурс] / А. Марей. – 2020. – Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx>. – Дата доступа: 22.10.2020.
4. *Бутина, Е. А.* Цифровизация образовательного пространства. Риски и перспективы [Электронный ресурс] / Е. А. Бутина. – 2020. – Режим доступа: <https://www.profed.nsau.edu.ru/jour/article/download/685/658>. – Дата доступа: 22.10.2020.
5. Школа цифровой грамотности [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.urok.1sept.ru/articles/679588>. – Дата доступа: 17.01.2021.
6. *Налетова, И. В.* Изменение системы образования под влиянием онлайн-технологий / И. В. Налетова // Гаудеамус. – 2015. – № 2. – С. 9–13.
7. *Краснова, Т. И.* Геймификация обучения иностранному языку / Т. И. Краснова // Young Scientist. – 2015. – № 11(91), June. – С. 1373–1375.

8. Орлова Л. В. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза / Л. В. Орлова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 2(2). – С. 41–44.

9. Бочков, В. Е. Состояние, тенденции, проблемы и роль дистанционного обучения в трансграничном образовании: учеб. пособие / В. Е. Бочков, Г. А. Краснова, В. М. Филиппов. – М.: РУДН, 2008. – 405 с.

10. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе; пер. И. А. Шапиро. – 3-е рус. изд. под ред. и со вступ. ст. Ю. А. Семенова. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 233 с.

11. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1. – С. 94–97.

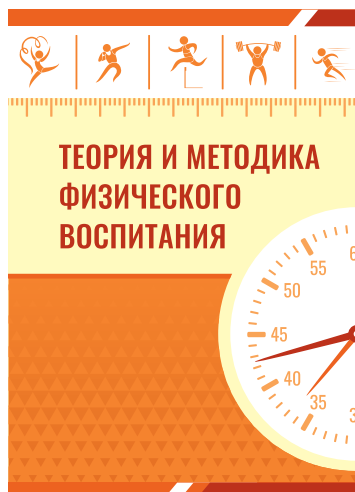
Аннотация

В статье раскрывается сущность цифровизации как изменения парадигмы общения и взаимодействия в социуме. С помощью теоретического анализа научной и практико-ориентированной литературы определяются специфические особенности поколений с акцентом на студентах в учреждении высшего образования, а также их возможностях цифровизации. Выявлены средства формирования личности современного студента (дистанционное обучение, виртуальная реальность, облачные технологии, голосовые помощники, фитнес-браслеты и др.). Разработаны составляющие электронного методического ресурса по цифровизации (виртуальные экскурсии, проекты, социальные сети, вебинары, видеоуроки, электронные учебники и др.).

Abstract

The article reveals the essence of digitalization as a change in the paradigm of communication and interaction in society. Using the theoretical analysis of scientific and practice-oriented literature, the specific features of generations are determined with an emphasis on the students in higher education institution, as well as their opportunities for digitalization. The means of forming the personality of a modern students (distance learning, virtual reality, cloud technologies, voice assistants, fitness bracelets, etc.) are identified. The components of an electronic methodological resource on digitalization (virtual excursions, projects, social networks, webinars, video tutorials, electronic textbooks, etc.) have been developed.

ГУО «Республиканский институт высшей школы» Редакционно-издательский центр предлагает



Под редакцией А. Г. Фурманова, М. М. Круталевича

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Физическая культура (по направлениям)»; «Оздоровительная и адаптивная физическая культура (по направлениям)»; «Физическая реабилитация и эрготерапия (по направлениям)»; «Спортивно-педагогическая деятельность (по направлениям)»; «Спортивно-туристская деятельность (по направлениям)»

В учебном пособии изложен материал, направленный на формирование знаний, умений и навыков студентов, использование современных инновационных технологий, эффективную организацию занятий физическими упражнениями. Раскрывается методология теории физического воспитания, функции, принципы, средства и методы, формы построения занятий, а также методика проведения их с различным контингентом населения; изложены вопросы обучения двигательным действиям, развития физических качеств, построения, планирования и контроля процесса физического воспитания. Описывается методика физического воспитания в системе образования, физической подготовки взрослого населения в период трудовой деятельности, функциональной подготовки занимающихся спортом, обоснованы занятия спортом с оздоровительной направленностью. Систематизированы по видам спортивные и физкультурно-оздоровительные сооружения, дается подробная характеристика их функционального назначения.

Адресуется студентам учреждений высшего образования в области физической культуры и спорта, преподавателям физического воспитания и тренерам по спорту.

ISBN 978-985-586-502-6

Цена 28 руб. 66 коп.

Информацию о реализуемой учебной и методической литературе можно посмотреть на сайте www.nihe.bsu.by.
Заказы принимаются по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская, 15, к. 126, тел./факс 219 06 63.

Контроль качества проведения занятий в ходе подготовки кадров высшей квалификации

Ю. М. Бубнов,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин,
доктор социологических наук, профессор,

И. А. Пушкин,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент;
Белорусский государственный университет
пищевых и химических технологий

Проблема, ставшая поводом к написанию статьи, обусловлена тем, что качество проведения занятий в ходе подготовки кадров высшей квалификации в основном оценивается по результатам экзаменов и зачетов, а в семестре – лекционных занятий. Вместе с тем не придается должного значения контролю качества проведения практических и семинарских занятий, обладающих важной практико-ориентированной спецификой.

Одной из задач организации эффективного учебного процесса в учреждениях высшего образования выступает контроль качества проведения семинарских и практических занятий. Актуальность этой задачи обусловлена важностью закрепления лекционного теоретического материала адекватными по уровню организации практическими занятиями. Проблемой эта задача может стать в том случае, если чтение лекционного курса осуществляется опытным преподавателем, а проведение практических и семинарских занятий доверяется молодому ассистенту. Повышение качества практических и семинарских занятий соответствует также концепции практико-ориентированного компетентностного подхода, постулируемой Министерством образования Республики Беларусь в последние годы.

Целью статьи является совершенствование контроля качества образовательных услуг в системе высшего образования.

Научно-методическая задача данной работы состоит в оценке эффективности проведения семинарских занятий по дисциплинам социально-гуманитарного блока на основе социологического метода. В статье предлагается один из вариантов решения этой задачи.

Социологический метод определения качества проведения семинарских занятий реализован в виде анонимного опроса (анкетирования), который проводится на протяжении многих лет на кафедре гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий. В статье, в частности, представлены результаты опроса, в котором принимали участие студенты двух групп по 30 человек в каждой, где семинарские занятия по одной и той же дисциплине проводили два ассистента. Сравнительный анализ результатов опроса студентов, охарактеризовавших качество проведения этими ассистентами семинарских занятий, и составил основное содержание статьи.

Ориентация на студента

Одной из характерных черт современного высшего образования все чаще признается «студентоцентрированный подход» [1, с. 5], придающий студенту статус самостоятельного актора и партнера в совместном с преподавателем образовательном процессе. Это

в корне меняет распределение ролей в высшей школе между учеником и учителем, переводя процесс обучения в режим оказания преподавателем образовательных услуг студенту и его родителям. Этот, по сути, рыночный формат взаимодействия между потребителем услуги и тем, кто эту услугу оказывает, вызывает к жизни и новый для отечественной системы образования механизм контроля качества образовательных услуг. Теперь он в гораздо большей степени опирается на мнение и оценки студентов как потребителей образовательных услуг.

Однако далеко не все преподаватели оказались профессионально и психологически готовы реализовывать студентоцентрированный подход. Как выяснила Л. Д. Ермакова в ходе исследования методов работы 138 преподавателей, «почти 60 % из них отдают предпочтение критикующему стилю: игнорируют индивидуальные особенности студента, воспринимают его как объект учебного процесса, а в случае затруднений – драматизируют обстановку; около 30 % – применяют формальный стиль оценивания: центрация на дидактической функции, стереотипность и маловыразительность средств оценивания, отсутствие установок на анализ результативности своей оценочной деятельности. Только чуть более 10 % – используют стимулирующий тип оценивания: творческий подход к оценочной деятельности, установку на развитие позитивного образа Я, демократический характер обратной связи, оценку как средство актуализации личностного роста, ознакомление студента с эталонами оценочной деятельности» [2, с. 239]. Такое положение вещей связано не только с ментальным рудиментом прусской системы образования, унаследованной, как показала Л. Д. Ермакова, большей половиной нынешних преподавателей высшей школы. Дело еще и в том, что до сих пор отсутствуют организационно оформленные и методически обоснованные механизмы обратной квалитетической связи от студента к преподавателю, которые могли бы обеспечить студенческую оценку качества работы самих преподавателей.

Здесь как нельзя кстати оказывается социологический метод, способный обеспечить адекватную обратную связь от студента к преподавателю. Социологический метод для оценки качества учебного процесса успешно применялся белорусскими учеными. Так, например, Н. В. Курилович [3] еще в 2016 г. опубликовал результаты опроса студентов БГУ на предмет их отношения к своему университету и высшему образованию вообще. Опубликованный им материал интересен, однако его прагматичность невелика ввиду излишней абстрактности заданных студентам вопросов. Несколько большей конкретикой обладает статья преподавателя Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины Т. А. Мележ [4], где она, опросив 136 студентов, в частности, показала, что около 80 % из них предпочитают мультимедий-

ные лекции традиционным форматам. Семинарские и практические занятия автор, к сожалению, обошла своим вниманием.

Системно применяют социологический метод в Республиканском институте высшей школе, где под руководством первых лиц учреждения с 2011 г. проводится масштабный мониторинг удовлетворенности слушателей и заинтересованных сторон качеством оказания РИВШ образовательных услуг [5; 6]. Однако и здесь семинарские и практические занятия не оценивались с той детализацией, с какой это постарались сделать мы в своей работе. Дело в том, что авторов мониторинга, проводимого в РИВШ, интересует в первую очередь обобщенная оценка слушателями качества оказания институтом образовательных услуг. Нас же больше заботят конкретные детали, многочисленные отдельные стороны образовательного процесса применительно к отдельным преподавателям. В этом и состоит отличие нашего подхода от великолепной работы, которая успешно проводится в РИВШ.

Таким образом, задача совершенствования контроля качества образовательных услуг в системе высшего образования, в особенности семинарских и практических занятий, остается актуальной. В учебном процессе семинарам и практическим занятиям часто отводят второстепенную роль, отдавая приоритет теоретическому материалу, излагаемому на лекциях. Однако им принадлежит далеко не последняя роль в учебном процессе. Повышение значимости в учебном процессе практических и семинарских занятий соответствует концепции практико-ориентированного компетентностного подхода, постулируемой Министерством образования Республики Беларусь в последние годы. Для дисциплин социально-гуманитарного цикла задача формирования у студентов практико-ориентированных компетенций представляет особую сложность, поскольку гуманитарии лишены возможностей выпускающих кафедр, имеющих в своем распоряжении специализированные лаборатории и стенды. Вся апробация лекционного материала по социально-гуманитарным дисциплинам, как правило, проходит в аудиториях на семинарских занятиях. Этим обстоятельством и обусловлено наше внимание к качеству проведения преподавателями социально-гуманитарных дисциплин семинарских занятий.

Одной из задач организации эффективного учебного процесса в учреждениях высшего образования, закрепленной в статье 125 Кодекса Республики Беларусь об образовании, выступает контроль качества проведения семинарских и практических занятий.

Предлагается решение задачи контроля качества проведения семинарских и практических занятий по дисциплинам социально-гуманитарного цикла с применением социологического метода. Последний включает в себя опрос учащихся, обеспечивающий обратную связь от обучаемых к обучающему. Вместе с тем

подчеркивается, что непродуманные опросы могут спровоцировать негативные личностные деформации учащихся. О них пишут, в частности, наши коллеги А. М. Гальмак, О. А. Шендрикова и И. В. Юрченко, обращая внимание на то, что «порой, опросы, проводимые с целью оценки профессионально-личностных качеств преподавателей, развращающе действуют на студентов, провоцируя их в ряде случаев на мелочность, злопамятство и мстительность, в первую очередь, по отношению к строгим и требовательным преподавателям» [7, с. 49].

«Учатся у того, кто нравится»

Обеспечение должного уровня качества проведения практических и семинарских занятий может быть достигнуто (и в реальной жизни в той или иной степени достигается) несколькими методами. Так, ответственный лектор старается время от времени посещать занятия своего ассистента. К слову, он обязан это делать и в соответствии с его индивидуальным планом. Помимо этого, заведующий кафедрой также обязан совершать контрольные посещения своих преподавателей, уделяя особое внимание менее опытным коллегам. Ответственным экзаменом для молодых преподавателей являются так называемые «открытые» занятия, на которые приглашаются все сотрудники кафедры. Обсуждение итогов этих посещений на заседаниях кафедры или на учебно-методическом семинаре дает возможность эффективно повысить качество работы ассистентов. Все это надо делать, и делается на каждой кафедре, в той или иной степени влияя на качество учебных занятий, включая и семинары.

Наш опыт преподавания в учреждениях высшего образования дисциплин социально-гуманитарного цикла позволяет утверждать, что на процесс понимания и осмысления предоставленной студенту информации влияют следующие факторы: его мотивация к обучению; осознанное стремление к овладению знаниями и умениями, физиологическое и психоэмоциональное состояние студента на момент получения обучающей информации; позитивная установка на восприятие, осмысление и понимание предоставленного для обучения материала; вид и активность ведущего типа памяти; частотный диапазон и степень активности работы головного мозга. Основным фактором активизации познавательной мотивации в обучении является формирование смысловых ориентаций, основных жизненных ценностей и базовых личностных качеств обучающихся, организация творческого взаимодействия преподавателя и студентов. Факторами, значительно понижающими эффективность процесса обучения, являются иррациональные негативные установки обучающихся [7].

Можно выделить наиболее важные факторы, влияющие на качество преподавания дисциплин социально-гуманитарного блока [8]:

1) эмоциональные впечатления, появившиеся еще до момента входа в аудиторию, поэтому желательно, чтобы уже в самом начале лекции (семинара) студенты забыли об обидах, бытовых сложностях, находились в состоянии внутренней улыбки и доброжелательности, что позволит им эффективно воспринимать новый учебный материал;

2) взаимосвязь предлагаемого учебного материала с основными позитивными жизненными целями студентов и с их будущей профессиональной деятельностью. Все основные теоретические положения комментируются применительно к реальным жизненным ситуациям. Проявление повышенного интереса со стороны студентов позволит повысить эффективность обучения;

3) дружелюбная атмосфера равного партнерского взаимодействия в процессе изучения. Преподаватель во время лекции (семинарского занятия) поддерживает взаимосвязь с каждым студентом и старается отслеживать по реакциям каждого студента их внимание, понимание и наличие интереса;

4) постоянная обратная связь и вовлечение студентов в ход изучения материала. Преподавателю необходимо оперативно реагировать на каждое изменение в студенческой аудитории. В случае потери концентрации внимания на изучаемом материале, при сомнениях или непонимании следует подключить конкретного студента к диалогу или еще раз повторить в новой редакции сложный теоретический момент;

5) темп и степень эмоциональности подачи учебного материала, которые регулируются преподавателем с целью поддержания концентрации внимания студентов. Более эффективным является усвоение материала по тем дисциплинам, которые вели требовательные преподаватели, чьи лекции, по отзывам большинства студентов, были интересны, чем по дисциплинам, по которым велись традиционные монотонные лекции. Однако необходимо иметь в виду, что повышение эмоциональности изложения учебного материала целесообразно производить в определенных для конкретной аудитории пределах.

Таким образом, львиная доля успеха в процессе обучения обеспечивается не столько содержанием учебного материала, на что обычно обращается почти все внимание людей, контролирующих качество оказания образовательных услуг, сколько, казалось бы, обстоятельствами, напрямую не связанными с обучением. Все перечисленные выше факторы, влияющие на качество образовательного процесса, требуют от преподавателя не только узкоспециальных компетенций в соответствии с его профессиональной специализацией, но и предполагают наличие у преподавателя высоких личностных характеристик,

включая психологические и социально-психологические компетенции, вплоть до способности к глубокой эмпатии.

Вряд ли стоит сегодня убеждать кого-либо в том, насколько важно педагогу психологически расположить учащихся не столько к себе лично (что тоже не лишне), сколько к преподаваемому предмету. Впрочем, и первое, и второе в реальной жизни тесно связаны. Две с половиной тысячи лет остается актуальной мысль Сократа о том, что учатся у того, кто нравится. Высокая степень доверия между преподавателем и студентами, благоприятная морально-психологическая атмосфера, в которой проходит процесс обучения, чрезвычайно сильно влияют на его эффективность. Только обладание этими личностными свойствами позволяет преподавателю вырасти из простого ретранслятора информации в истинного Учителя жизни.

Таким образом, как важный фактор образовательного процесса следует рассматривать имидж преподавателя, включающий в себя, как пишет Л. В. Прохорова, природный компонент (внешние физические и психофизиологические особенности преподавателя, его пол, возраст, темперамент), личностный компонент (личное обаяние, интеллектуальные, нравственные и волевые качества, коммуникативные способности и т. д.), профессиональный компонент (знание предмета и умение его доступно излагать, культура речи, творческий потенциал, объективность, требовательность и пр.). На имидж преподавателя, по ее мнению, влияют также визуальный компонент (осанка, опрятность, одежда), аудиальный компонент (тембр, громкость голоса и темп речи, богатство интонаций), кинестетический компонент (позы, жестикация и мимика лица), ольфакторный компонент, включающий в себя запахи [9, с. 22].

Однако имидж – это не столько набор определенных свойств и характеристик преподавателя, сколько тот образ, который возникает на основе этих качеств у студентов. Поэтому наличие или отсутствие положительного имиджа у преподавателя невозможно определить, не увидев отображения этих свойств в сознании студентов. Вот для этого и необходим социологический метод, способный зафиксировать данное отображение с помощью специального инструмента – анонимной социологической анкеты.

Ограничения социологического метода

Апробированный нами и представленный здесь социологический метод контроля качества проведения семинарских занятий призван дополнить уже имеющуюся практику, привнося чрезвычайно важную студенческую оценку в работу преподавателя. Студенческая оценка представляет собой канал обратной связи от потребителя образовательной услуги (терминология образовательного Кодекса) к ее поставщику.

Разумеется, следует отличать роль поставщика товара или, к примеру, жилищно-коммунальной услуги, от того, что делает преподаватель. Образовательная услуга (если это вообще услуга), которую оказывают учитель, преподаватель, воспитатель, включает в себя центральную функцию формирования, образования какого-то нового качества самого потребителя этой услуги. Тренер, например, по шахматам или теннису, призван государством, собственным порывом или деньгами потребителя научить последнего соответствующим умениям и навыкам. При этом тренер может использовать методы, не всегда и во всем понятные и приятные объекту образовательного воздействия, но эффективные по отдаленному результату. Одним словом, процесс обучения может быть болезненным, но эффективным. Можем ли мы в этом случае полностью полагаться только на оценку учеником качества работы преподавателя? Скорее всего, вопросы методики и содержания учебного процесса окажутся вне зоны понимания обучающегося. Это налагает определенные ограничения на интерпретацию и использование полученных с помощью социологического метода оценок студентов качества работы преподавателя. Однако есть немало аспектов взаимодействия преподавателя и студента, где оценка последнего может стать (и в действительности является) определяющей при оценке уровня квалификации первого. Эти аспекты мы и попытались замерить с помощью социологического метода.

Оценка студентами работы ассистентов

В качестве инструмента мы использовали составленную нами анкету, которую предложили анонимно заполнить студентам различных потоков, где по одной и той же дисциплине проводили семинарские занятия два ассистента. Условно обозначим их ассистент К и ассистент С. По единой анонимной анкете были опрошены две академические группы: на механическом факультете (преподаватель К) и на технологическом факультете (преподаватель С). Всего было опрошено 60 студентов поровну в каждом потоке. Опрос проводил заведующий кафедрой в отсутствие преподавателей, чтобы исключить любое влияние на результаты исследования с их стороны. Студенты должны были оценить по шкале «очень» и «не очень» (это положительные оценки), а также «скорее нет» и «совсем нет» (отрицательные оценки) двадцать параметров, характеризующих качество проведения семинарских занятий двумя молодыми преподавателями. В таблице приведены сравнительные оценки, данные студентами по различным аспектам работы ассистентов К и С.

Использованная нами шкала позволяет зафиксировать положительные и отрицательные оценки различной степени выраженности, как умеренные, так и крайние. Соотнеся положительные и отрицательные

Оценка студентами различных параметров работы преподавателей на семинарских (практических) занятиях, в %

Характеристики семинарского занятия	Очень		Не очень		Скорее нет		Совсем нет		Индекс оценки*	
	К	С	К	С	К	С	К	С	К	С
Информативно, много новой информации	78,6	46,9	14,3	37,5	7,1	15,6	0	0	85,8	68,8
Интересно, увлекательно	67,9	21,9	28,6	31,2	3,6	31,2	0	15,6	92,9	6,3
Понятно, доступно	50,0	6,2	42,9	56,2	7,1	25,0	0	12,5	85,8	24,9
Полезно для работы	57,1	21,9	32,1	53,1	10,7	18,8	0	6,2	78,5	50
Полезно для жизни	75,0	25,0	21,4	53,1	3,6	18,8	0	3,1	92,8	56,2
Эмоционально, ярко, живо	57,1	9,4	39,3	37,5	3,6	34,4	0	18,8	92,8	-6,3
Убедительно, аргументированно	67,9	31,2	32,1	46,9	0	12,5	0	9,4	100	56,2
Рассматриваются конкретные вопросы	75,0	53,1	17,9	37,5	3,6	3,1	0	6,2	89,3	81,3
Материал занятия легко усваивается	28,6	3,1	60,7	43,8	10,7	34,4	0	18,8	78,6	-6,3
Оригинально, необычно	50,0	28,1	42,9	40,6	7,1	15,6	0	9,4	85,8	43,7
Использованы наглядные примеры	82,1	37,5	14,3	40,6	3,6	21,9	0	0	92,8	56,2
Темы глубоко проанализированы	78,6	31,2	10,7	56,2	10,7	6,2	0	6,2	78,6	75
Материал логично выстроен	64,3	25,0	35,7	46,9	0	25,0	0	3,1	100	43,8
Показаны различные точки зрения	82,1	31,2	14,3	37,5	0	25,0	3,6	3,1	92,8	40,6
Преподаватель относится уважительно к студентам	85,7	75,0	14,3	18,8	0	6,2	0	0	100	87,6
Побуждает к самостоятельным рассуждениям	82,1	56,2	14,3	40,6	3,6	0	0	0	92,8	96,8
Занятия способствуют моему развитию как специалиста	46,4	18,8	32,1	50,0	21,4	25,0	0	6,2	57,1	37,6
Занятия способствуют моему развитию как личности	64,3	31,2	28,6	37,5	7,1	25,0	0	6,2	85,8	37,5
Занятия способствуют моему развитию как гражданина	60,7	31,2	28,6	40,6	7,1	25,0	3,6	0	78,6	46,8
Хорошая организация семинара	78,6	28,1	21,4	43,8	0	21,9	0	6,2	100	43,8
Используются новые технологии	71,4	21,9	14,3	40,6	7,1	31,2	7,1	3,1	71,5	28,2
Обобщенный индекс оценки работы преподавателя**									87,3	46,1

*Примечание: Индексы определяются путем вычитания суммы отрицательных оценок от суммы положительных.

**Примечание: Обобщенный индекс определен как среднее значение по всем оцениваемым параметрам.

оценки со стороны студентов по каждому из параметров работы преподавателя, определим соответствующий индекс. Среднее значение по всем конкретным индексам составит обобщенный индекс качества работы преподавателя.

Как видно из таблицы, значение обобщенного индекса качества работы преподавателя К оказались в два раза выше, чем у преподавателя С. Уже этот вывод может послужить для заведующего кафедрой важным фактором (или одним из важных факторов) при решении, например, болезненного вопроса о том, кто из преподавателей должен будет уволиться в случае сокращения учебной нагрузки.

Наш метод позволяет определить так называемые «проблемные зоны» или «узкие места» в работе конкретного преподавателя. Так, например, преподаватель К самую низкую оценку от студентов получил по поводу того, что его деятельность, по мнению студентов, в недостаточной степени способствует их развитию как специалистов. Однако даже в этом случае количество положительных оценок на 57 пунктов превысило удельный вес отрицательных оценок. По четырем характеристикам семинарского занятия у него вообще не было ни одной рекламации со стороны студентов.

Иная ситуация наблюдается в отношении студентов к преподавателю С. По ряду параметров ведения им семинарского занятия негативные оценки студентов превысили позитивные. Это относится, например,

к низкой эмоциональности и живости ведения практического занятия, а также к сложности подачи учебного материала. В обоих случаях удельный вес отрицательных оценок превысил сумму положительных оценок на 6,3 пункта. Почти половина опрошенных студентов (46,8 %) посчитали семинары этого преподавателя неинтересными, для 37 % опрошенных студентов учебный материал остался непонятым, каждый третий (34,3 %) указывал на то, что он не использует новые образовательные технологии, около трети студентов (31,2 %) сделали вывод, что практические занятия, проведенные преподавателем С, бесполезны для их профессионального и личностного развития. Столь высокий уровень недовольства студентов различными аспектами работы ассистента С, естественно, не мог остаться без внимания заведующего кафедрой. О результатах этого опроса были проинформированы оба ассистента, правда, каждый получил информацию, касающуюся только его лично. Особое внимание было уделено ассистенту С. Ему было указано на необходимость совершенствования соответствующих сторон его преподавательской деятельности, была оказана методическая помощь, намечен план посещений занятий опытных преподавателей.

Представленный выше социологический инструмент по количественной фиксации ряда аспектов преподавательской деятельности был создан и апробирован автором этого материала еще на заре его

собственной вузовской карьеры. Многие коллеги (и не только гуманитарии) по своей инициативе применяют данную методику, чтобы посмотреть на собственную работу глазами студентов. Это помогает преподавателю постоянно совершенствовать свои формы и методы организации учебного процесса и таким образом повышать эффективность обучения студентов.

Вместе с тем следует учитывать, что применение социологических опросов для определения качества работы преподавателей чревато негативными последствиями и для учебного процесса. В частности, может снизиться уровень требовательности преподавателя по отношению к студентам. Вполне возможна ситуация, когда задача педагога, состоящая в формировании необходимых для будущего специалиста компетенций, будет замещаться его установкой понравиться студентам, которые в случае административного применения социологического мониторинга смогут влиять на статус и финансы преподавателя. Поэтому социологический метод определения качества работы преподавателей следует применять крайне осторожно, чтобы не упустить из виду главную цель образования – формирование у студентов необходимых личностных качеств и профессиональных компетенций.

Итак, нами был создан социологический инструмент, с помощью которого можно выявлять существенные различия в оценках студентами 20 показателей качества проведения семинарских занятий разными преподавателями. В частности, в ходе апробации этого инструмента были зафиксированы проблемные зоны в работе одного из ассистентов. Можно сделать вывод о том, что предложенный социологический метод определения качества проведения семинарских занятий подходит не только для дисциплин социально-гуманитарного цикла. Наши коллеги, преподающие специальные дисциплины технического профиля, тоже использовали этот социологический инструмент для получения обратной связи от студентов с целью оценки качества своей работы. Однако необходимо избегать излишнего администрирования в применении социологического метода с подобными целями в столь деликатной сфере, каковой является процесс взаимодействия ученика и учителя. Существует соблазн в обязательном порядке мониторить мнение студентов по каждому преподавателю в конце каждого учебного курса. Но мы уверены в том, что вводить

подобный мониторинг в постоянную практику работы кафедры следует лишь после консенсусного решения всех преподавателей. Только в этом случае данная методика принесет пользу, которая превысит вполне вероятный вред. Как и всякий инструмент, социологический метод измерения качества работы преподавателей можно полностью дискредитировать неумелым его использованием. При соблюдении же всех профессионально-процедурных и морально-психологических норм этот метод, как можно было убедиться на примере, представленном в статье, вполне пригоден и эффективен.

Список использованных источников

1. Жук, О. Л. Формирование и диагностика компетенций как результатов освоения образовательных программ высшего образования / О. Л. Жук // Вышэйшая школа. – 2017. – № 5(121). – С. 3–5.
2. Ермакова, Л. Д. Квалиметрическая технология компетенций студентов в контексте качества образования / Л. Д. Ермакова // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 13-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 20 февр. 2018 г.: в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2018. – Ч. 1. – С. 237–243.
3. Курилович, Н. В. Высшее образование в оценках студентов Белорусского государственного университета / Н. В. Курилович // Вышэйшая школа. – 2016. – № 1. – С. 48–51.
4. Мележ, Т. А. О преимуществах инновационных форм лекционных занятий для студентов вузов / Т. А. Мележ // Вышэйшая школа. – 2016. – № 2. – С. 46–48.
5. Гайсёнок, В. А. Мониторинг удовлетворенности слушателей и заинтересованных сторон как базовый инструмент контроля и оценки качества дополнительного образования взрослых / В. А. Гайсёнок, Е. И. Дмитриев, В. И. Шупляк // Вышэйшая школа. – 2018. – № 2. – С. 19–24.
6. Дмитриев, В. И. Методы и инструменты управления качеством в учреждении образования: учеб.-метод. пособие / Е. И. Дмитриев, В. И. Шупляк. – Минск: РИВШ, 2014. – 336 с.
7. Гальмак А. М. Традиции и новации в образовании / А. М. Гальмак, О. А. Шендрикова, И. В. Юрченко // Веснік МГУ імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія. – 2019. – № 2(54). – С. 38–51.
8. Цыбов, Н. Н. Факторы, влияющие на эффективность процесса обучения в технических вузах [Электронный ресурс] / Н. Н. Цыбов // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyayuschie-na-effektivnost-protsessy-obucheniya-v-tehnicheskikh-vuzah/viewer>. – Дата доступа: 20.03.2021.
9. Прохорова, Л. В. Имидж преподавателя высшей школы в контексте академического межкультурного взаимодействия / Л. В. Прохорова // Вышэйшая школа. – 2019. – № 5. – С. 18–22.

Анотация

В статье рассматривается метод совершенствования контроля качества проведения практических и семинарских занятий в учреждениях высшего образования, основанный на использовании социологического инструментария.

Abstract

The article considers the method of improving the quality control of practical and seminar classes in institutions of higher education, based on the use of sociological tools.

Мерыдыяны інтэграцыі

Особенности подходов Российской Федерации в развитии приграничного гуманитарного сотрудничества и гуманитарной политики

И. А. Мельников,
соискатель при факультете
международных отношений,
Белорусский государственный университет

В реализации внешнеполитической стратегии любого государства гуманитарному взаимодействию отводится первостепенная роль. Ведь позиции и авторитет Российской Федерации в мире определяются не только его военно-политическим весом и экономическими ресурсами, но и культурным достоянием народов, проживающих на шестой части суши нашей планеты. Выражая духовную самобытность нации, российская культура одновременно олицетворяет универсальные ценности всего мирового сообщества и представляет собой часть глобального культурно-исторического наследия человечества. При этом накопленный веками богатейший духовно-культурный потенциал России предопределяет ее уникальное место в мировом культурном пространстве.

Новые вызовы начала XXI в. не только для России, но и для всего человечества, масштабные задачи в сфере международных отношений в условиях глобализации придают культурно-гуманитарным связям Российской Федерации возрастающую значимость. В первую очередь это связано с утверждением в мире многополярности. Очевидно, что глобальная конкуренция приобретает в том числе культурно-цивилизационное измерение. Между основными игроками на международной арене – Россией, США, Китаем и арабскими странами как основными поставщиками на мировой рынок «черного золота» – усиливается борьба за культурное влияние. Глобализация влечет за собой не только взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур, но и нередко ставит под угрозу культурную самобытность стран и народов.

Возрастает потенциал культуры как эффективно-го инструмента сглаживания разногласий между государствами в целом. В современных условиях данное направление внешнеполитической деятельности требует инновационных подходов. Политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества должна способствовать решению задачи модернизации страны.

Культура все в большей степени становится своеобразным товаром. Многие государства стремятся

сделать максимально возможное для ее продвижения на мировой рынок, причем соперничество в этой сфере заметно обостряется.

Всестороннее и эффективное задействование духовно-культурного потенциала Российской Федерации в состоянии способствовать формированию объективного и благоприятного образа страны в условиях глобализации и с учетом усиливающихся попыток расколоть мир по цивилизационному признаку.

В области международного культурно-гуманитарного сотрудничества основные усилия должны быть сосредоточены на поддержке и популяризации в иностранных государствах русского языка и культуры народов Российской Федерации, которые вносят уникальный вклад в культурно-цивилизационное многообразие современного мира и развитие партнерства цивилизаций.

Главенствующая задача политики Российской Федерации на нынешнем ее этапе состоит в формировании и укреплении отношений взаимопонимания и доверия с зарубежными странами. Только развитие равноправного и взаимовыгодного партнерства, наращивание участия России в системе международного культурного сотрудничества, ее интеграция в мировое культурное пространство дадут положительный эффект. Российское культурное присутствие в зарубежье и зарубежное культурное присутствие в России должны способствовать утверждению страны как достойного, сообразного ее истории, геополитическому положению, совокупной мощи и ресурсам места на мировой сцене.

Для того чтобы за рубежом формировалось наиболее полное представление о России как о стране, где бережно сохраняются богатые исторические традиции отечественной культуры и одновременно развивается динамичная культурная жизнь в условиях многообразия и свободы творчества, плюрализма мнений, отсутствия цензурных ограничений, политику в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества необходимо планировать и строить только таким образом. Культурные связи должны отражать федеративное устройство российского государства, в котором признается равное достоинство культур всех населяющих его народов.

Необходимо стремиться к максимально широкой представленности за рубежом лучших достижений российской культуры – музыкального и театрального

искусства, в том числе оперного, балетного и драматического театра, песенного и танцевального творчества народов России.

На ведущие позиции должна выйти работа по увековечению памяти об исторических связях России с зарубежными странами, по выявлению, сохранению и популяризации находящихся за границей памятников культуры и других объектов культурного наследия, связанных с историческим прошлым России, жизнью и деятельностью за рубежом ее выдающихся представителей. Важный аспект работы должен заключаться в благоустройстве воинских и гражданских захоронений и поддержании в достойном виде памятников погибшим на территории иностранных государств защитникам Отечества, обеспечении надлежащего ухода за ними и другими объектами, символизирующими военную славу России.

Особое значение в контексте решения задачи модернизации страны приобретает международное сотрудничество России в области науки и образования. Эффективное взаимодействие с зарубежными партнерами в данном направлении должно способствовать притоку инвестиций, новейших технологий и передовых идей [1].

Первостепенная задача – более широкое включение России в международное образовательное пространство, экспорт российских образовательных услуг, расширение объемов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях как на коммерческой основе, так и посредством выделения государственных стипендий, повышения привлекательности получения образования в Российской Федерации в целом.

Качественный результат принесет установление и поддержание взаимовыгодных связей между образовательными учреждениями России и зарубежными странами путем обмена опытом среди ученых, специалистов, преподавателей и обучающихся. Необходимо продолжать линию по подключению страны к международной системе унификации норм и стандартов качества образования и, соответственно, научных дипломов и степеней с целью их признания в других странах. Важно поощрять контакты ученых с целью совместной подготовки учебников и учебно-методических пособий в интересах объективного освещения истории отношений России с отдельными государствами.

Ключевым направлением деятельности является вопрос о распространении русского языка как важнейшего средства интеграции государств – участников СНГ. Необходимо способствовать его изучению за рубежом. Русский язык должен оставаться важнейшим инструментом приобщения других народов к российской и мировой культуре.

Важным средством укрепления взаимопонимания, выражения доброй воли и развития контактов между людьми призваны служить связи в сфере физической культуры и спорта. Спортивные связи должны рассматриваться в качестве неотъемлемой части стра-

тегии действий на международной арене, ибо они способны внести существенный вклад в укрепление межкультурного диалога, содействовать росту международного престижа России. В этом контексте особенно важна поддержка международного олимпийского и параолимпийского движения, широкое участие представителей российского спорта в крупнейших международных соревнованиях. Важным элементом работы в спортивном направлении является взаимодействие со Всемирным допинговым агентством. Более качественно необходимо активизировать сотрудничество в сфере спорта высших достижений, массового спорта, спорта инвалидов, спортивной медицины и науки [1].

Когда человеческая жизнь, здоровье и другие фундаментальные права и возможности оказываются под угрозой, во внешней политике любого государства наиболее полно проявляется гуманитарная составляющая.

Гуманитарная сфера, включающая жизненно важные вопросы культуры, образования, науки, информации, миграции, социально-трудовых отношений, занимает одно из приоритетных мест среди всего многообразия направлений международного сотрудничества, в том числе между государствами на постсоветском пространстве. Это во многом обусловлено разделением ранее их единого политического, экономического, гуманитарного и правового полей и, как следствие, нарастанием дезинтеграционных процессов в гуманитарной сфере, что не могло не сказаться на социальном самочувствии граждан.

В настоящее время наиболее ощутимы проблемы разрыва единого гуманитарного пространства во взаимоотношениях Беларуси и России с Украиной. Это сказывается на развитии приграничных отношений, связей и других жизненно важных аспектов деятельности. Вследствие этого формирование эффективной политики гуманитарного сотрудничества, поиск ее новых форм и механизмов взаимодействия остаются одними из наиболее актуальных задач внешнеполитической деятельности соседних государств.

Учитывая значительную протяженность наших совместных границ, наличие важных международных коммуникаций, сопряженность экономик, этнокультурную близость народов и общность их исторических судеб, приграничные регионы России, Беларуси и Украины были, есть и остаются одной из наиболее перспективных зон формирования приграничных взаимодействий.

Исследование данной проблемы предполагает решение следующих основных задач:

- анализ исторических и социокультурных факторов формирования политики гуманитарного сотрудничества России, Беларуси и Украины;
- выявление роли и места приграничного региона как субъекта международных отношений и связей;
- анализ политико-правовой базы, регламентирующей гуманитарную сферу международной деятельности приграничных субъектов Российской Федерации;

- анализ сацыяльна-політычнай сутнасці і пріорытэтных напраўленняў політыкі гуманітарнага супрацоўніцтва Расіі, Беларусі і Украіны;
- выяўленне проціворучых і складаных у рэалізацыі політыкі гуманітарнага супрацоўніцтва ў сярэдніх рэгіёнах Расіі, Беларусі і Украіны ў сучасных умовах політычнага развіцця;
- ісследванне спецыфікі форм і механізмаў гуманітарнага супрацоўніцтва прыгранічных абласцей Расіі, Беларусі і Украіны;
- аб'ясненне шляхоў павышэння эфектыўнасці гуманітарнага супрацоўніцтва прыгранічных абласцей Расіі, Беларусі і Украіны.

Працэсы рэгіяналізацыі, працякаючыя ў сучасным свеце, ініцыююць павышэнне ролі рэгіёнаў у сістэме міжнародных сувязей. Сярод розных форм міжрэгіянальнага супрацоўніцтва ў умовах развіцця інтэграцыйных працэсаў асабліва ўважліваму следуе ўдзельнічаць прыгранічнаму супрацоўніцтву, паколькі ў прыгранічным узаемадзеянні непасрэдна перасякаюцца жыццёва важныя праблемы, уключаючы эканамічныя, знешнеполітычныя, гуманітарныя, сацыяльныя і др., раздзеленых народаў.

У умовах развіцця расійскай дзяржаўнасці для міжнароднага супрацоўніцтва суб'ектаў Расійскай Федэрацыі з'явіліся новыя магчымасці:

- сфарміравана політыка-прававая аснова знешнеполітычнай дзейнасці рэгіёнаў;
- створаны інстытуты ўправлення сферай міжнароднага супрацоўніцтва;
- сутэсвенна пашырыліся межы паўнамоццяў суб'ектаў Расійскай Федэрацыі ў абласці міжнародных сувязей.

Вместе с тем сацыяльна-эканамічныя асабнасці рэгіёнаў не заўсёды дазваляюць федэральнаму цэнтру поўнацэнна рэшаць узнікаючыя ў канкрэтным суб'екце федэрацыі праблемы, звязаныя з асабнасцямі іх міжнароднага дзейнасці.

Адной з найбольш перспектывных зон фарміравання прыгранічнага супрацоўніцтва краін СНГ з'яўляецца усходнеславянская зона, уключаючая граніцы паміж Расіяй, Украінай і Беларусью, што абумоўлена іх значнай працяжнасцю, блізкаснымі ландшафтнымі ўмовамі, унікальным значэннем трансгранічных камунікацый.

Абшчыя історычныя карані і дастаткова доўгі перыяд сумеснага развіцця ў рамках СССР спрыялі фарміраванню устойлівых гандлёва-эканамічных і гуманітарных сувязей паміж населяльнымі нашых братскіх, славянскіх рэспублік. Да нашых дзён на асобных участках расійска-украінскага і расійска-беларускага прыграніч'я этнакультурныя граніцы не заўсёды супадаюць з дзяржаўнымі. Больш за 40 % жыхароў прыгранічных абласцей трых краін маюць родных па другую бок граніцы, а ў Белградскай і Хар'каўскай абласцях гэты працэнт яшчэ вышэй.

Аб'ёмная частка прыгранічных тэрыторый, родствяныя і дружэскія сувязі, а таксама назапашаны вопыт кантактаў з'яўляюцца неабходным умовам фарміравання эфектыўнай політыкі гуманітарнага супрацоўніцтва паміж Расіяй, Беларусью і Украінай і патрабуюць дзейных механізмаў іх рэалізацыі ў сярэдніх гэтых краінах рэгіёнаў. Нягледзячы на гэта, прававое рэгуляванне гэтых адносін не адрозніваецца праблемнасцю. Патрабуецца ўнесены паправак і дапаўненняў у рад заканадаўчых актаў, адсутнікуюць нарматыўныя акты, рэгулюючыя стварэнне і механізмы функцыянавання новых мадэляў супрацоўніцтва, у асабнасці еўрарэгіёнаў, амаль не адражаны права і абавязнасці органаў мясцовага самаўправлення па асабнасці прыгранічнага супрацоўніцтва. Не ў дастатковай меры сфарміравана і рэгіянальнае заканадаўства, рэгулюючае гэтыя адносіны. У Статутах большасці прыгранічных суб'ектаў Расійскай Федэрацыі адсутнічае замацаванне іх прыгранічнага статусу [2].

Ачыісна, што на сучасным этапе політычнага развіцця гуманітарны фактар у міжнародных адносінах Расіі, Беларусі і Украіны, уключаючы галоўнае на сённяшняе пытанне захавання, аказвае непасрэднае ўплыванне на стварэнне атмасферы давер'я.

У адпаведнасці з палажэннямі Дэклараванні аб гуманітарным супрацоўніцтве краін – удзельнікоў СНГ, прынятай яшчэ ў 2005 г., фарміраванне агульнага гуманітарнага прастранства з'яўляецца адной з стратэгічных цэляў развіцця ўзаемаадносін на пасоветска-прастранстве.

Вместе с тем следуе адзначыць, што ў абласці абразавання і навукі працягваюць нарастаць расхожэння ў рэалізуемых абразавальных політыках і абразавальных стандартах, змяняецца акадэмічны абмен, аб'ём сумесных навуковых ісследаванняў, прамаатрываюцца факты іскажэння аб'ектывнай ацэнкі некотрых історычных падзеяў. Так, ў Украіне сужаецца сфера іспользавання рускага мовы ў СМІ, абразавальнай сферы, змяняюцца аб'ёмы трансляцыі расійскіх тэле- і радыапраграм, змяняюцца паказателі распастраснення тиражаў расійскіх пачатных СМІ, затрамаецца стварэнне расійскіх інфармацыйна-культурных цэнтрав. Па гэтым пытанню ў кожнай з бакоў ёсць свае аб'ясненні падобных дзейнасці, но ў кожным пытанні неабходна дагаварывацца на ўзаамавыгодных умовах. Працягваюць паспешна развівацца складаныя на працяжніі дзесяцілетняў традыцыйныя формы гуманітарных сувязей, сярод котрых міжнародныя фестывалі і конкурсы, выстаўкі, канферэнцыі, кантакты ўчэбных завадэнняў.

Такім абразам, калі раасмаатрываць асновныя саааавяючыя знешняй політыкі дзяржаў, такія як ваенна-політычная, эканамічная, гуманітарная, то апошняя імае некалькі ключевых характэрыстык, адрозных ад другіх. Во-перых,

круг конечных бенефициаров внешней политики гуманитарной направленности образуют конкретные люди. Во-вторых, для нее характерно сочетание альтруистического и рационального начал. К примеру, осуществляя операции по оказанию безвозмездной помощи в зонах бедствий, государство может иметь в виду и сокращение притока беженцев из этих мест на свою территорию. Сейчас гуманитарная составляющая во внешней политике государств повышается еще и потому, что она демонстрирует их готовность участвовать в решении глобальных проблем, в коллективных усилиях, предпринимаемых в сфере мирового регулирования. Вместе с тем она все в большей мере сводится к политике реагирования на кризисные ситуации, возникающие в различных странах и регионах мира [1].

Анализируя ситуацию образовательных услуг, можно сделать вывод о том, что количество студентов из стран СНГ, обучающихся в Российской Федерации, меньше, чем студентов из СНГ, обучающихся в тех же Соединенных Штатах Америки, в европейских странах, в Турецкой Республике. Вероятно, нет должного финансирования на эти цели. Тогда логичен вопрос: почему во всем мире есть английские, американские, французские школы, а русских, кроме посольских, нет? Причина только одна – это достаточно затратная вещь, особенно на начальном этапе, но для государства, решающего проблемы мирового масштаба и являющегося сверхдержавой, это существенное упущение в его внешнеполитической деятельности. Такая же проблема существует и с телевидением. Во многих странах СНГ блокируются российские каналы, а это ключевая вещь. Проблема решаема, но с использованием западных спутников. Однако снова возникает проблема финансирования [3].

Рассмотрев широкий спектр вопросов, проблем и направлений деятельности Российской Федерации в определении ее гуманитарной политики и гуманитарного сотрудничества, в том числе с приграничными государствами – Беларусью и Украиной, можно сделать вывод о том, что огромная работа в данном направлении уже проделана. Имеются, конечно, и просчеты, упущения, недофинансирование проектов, что не позволяет в полной мере рассчитывать на достижение поставленных целей в ближайшей перспективе. Вместе с тем общими усилиями всех заинтересованных ведомственных структур, учитывая мнение политологов, аналитиков и иных специалистов, Россия, основываясь на принципах добрососедства, была, есть и будет ведущей мировой державой.

Список использованных источников

1. Внешняя политика Российской Федерации. МИД Р.Ф. 18.12.2010 г. Тема: «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/el/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/224550. – Дата доступа: 15.04.2021.
2. *Верхутина, М. В.* Политические аспекты гуманитарного сотрудничества приграничных районов Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины [Электронный ресурс] / М. В. Верхутина // disserCat – электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/politicheskie-aspekty-gumanitarnogo-sotrudnichestva-prigranichnykh-regionov-rossiiskoi-feder>. – Дата доступа: 16.04.2021.
3. *Громогласова, Е. В.* Гуманитарная составляющая во внешней политике государства [Электронный ресурс] / Е. В. Громогласова. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/dis/2018-004-Gromoglasova-DIS.pdf>. – Дата доступа: 17.05.2021.

Аннотация

Актуальность настоящей темы исследования обусловлена повышением политической значимости гуманитарного фактора в развитии сотрудничества между государствами в современных реалиях. Развитие гуманитарного сотрудничества приграничных с Российской Федерацией областей стран бывшего СССР содействует улучшению жизнеобеспечения населения приграничных территорий и поддержанию исторически сложившихся связей, контактов в социальной, культурной, информационной и иных сферах, влияет на формирование «пояса добрососедства» по периметру российских границ. С учетом этих и иных факторов координация политики гуманитарного сотрудничества России, Беларуси и Украины приобретает в настоящее время особую актуальность. Это становится все более очевидным по мере переноса работы из организационной области в плоскость практической деятельности и указывает на необходимость выявления и устранения так называемых «узких мест» в процессе развития гуманитарных связей приграничных территорий соседних стран. Такой подход требует объективного научного анализа различных аспектов гуманитарного сотрудничества России и разработки обоснованных рекомендаций по его переводу на новый качественный уровень.

Abstract

The relevance of this research is due to the increase in the political significance of the humanitarian factor in the cooperation between countries in modern realities. The development of humanitarian cooperation of the former USSR regions bordering the Russian Federation contributes to the improvement of the livelihoods of the population of the border territories and the maintenance of historically established ties and contacts in social, cultural, informational, and other spheres, and also influences the formation of a “belt of good neighborliness” along the perimeter of the Russian borders. Taking into account these and other factors, the coordination of the policy of humanitarian cooperation between Russia, Belarus, and Ukraine is now acquiring special relevance. It becomes more and more obvious as the work is transferred from the organizational field to the plane of practical activity and indicates the need to identify and eliminate the so-called “bottlenecks” in the development of humanitarian ties in the border areas of neighboring countries. This approach requires an objective scientific analysis of various aspects of the humanitarian cooperation of Russia and the development of sound recommendations for its transfer to a new qualitative level.

Реализация компетентностного подхода по учебной дисциплине «Физическая культура» в учреждении высшего образования

Д. А. Венскович,
докторант,
Белорусский государственный университет
физической культуры

В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации компетентностного подхода при изучении специализированного учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к береженности» в рамках учебной дисциплины «Физическая культура». Представлена авторская педагогическая модель формирования компетенций обучающихся для подготовки их к деторождению для специальностей неспортивного профиля.

Уровень культуры общества в первую очередь определяется степенью развития и использования индивидуальных человеческих способностей. Основной целью системы общечеловеческих культурных ценностей является высокий уровень здоровья, физическое развитие и физическая подготовленность на протяжении всей жизни [1, с. 20].

Нынешнее высшее образование развивается в условиях современных инноваций. Одним из направлений реализации обновления высшего образования выступает применение компетентностного подхода и переход на модульную организацию образовательного процесса в учреждениях высшего образования. Использование компетентностного подхода предусматривает преобразования в содержании и структуре образовательного процесса высшей школы.

Одна из ключевых целей данного подхода – обеспечение качества образования. Применение компетентностного подхода включает определение образовательных целей, выбор содержания образования, организацию образовательного процесса, использование образовательных технологий и оценку результатов деятельности студентов [2, с. 22].

Основное внимание указанного подхода сконцентрировано на результате образования, который выражается в способности человека действовать в различных жизненных ситуациях [2, с. 23].

Овладение компетенциями происходит в процессе обучения студентов. Соответственно, реализация компетентностного подхода в учреждении высшего образования предполагает использование в образовательном процессе модернизированных форм проведения занятий. Говоря о роли обозначенного подхода в организации занятий по учебной дисциплине «Физическая культура», такие ученые, как В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева, в первую очередь делают акцент на модернизации педагогической деятельности [1, с. 21; 3, с. 15].

Следует также отметить, что данная проблема весьма актуальна и для стран европейского сообщества. Высказывается мнение о том, что многие учебные программы по физической культуре находятся в глубоком кризисе [4, с. 6–10].

В связи с вышеизложенным актуальной является проблема модернизации современной системы физического воспитания в контексте реализации компетентностного подхода. В частности, учебная дисциплина «Физическая культура» в учреждении высшего образования должна отражать деятельность в области политики качества общего физкультурного образования, а именно:

- обновление содержания дисциплины;
- повышение эффективности преподавания физической культуры в контексте реализации программы здоровьесбережения обучающихся;
- использование индивидуальных подходов в обучении и для формирования профессионально значимых компетенций выпускника (В. А. Коледа, Е. К. Куликович, И. И. Лосева, В. А. Овсянкин, С. В. Хожемпо).

Цель учебной дисциплины «Физическая культура» в учреждении высшего образования – развитие социально-личностных компетенций студентов, обеспечивающих целевое использование соответствующих средств физической культуры и спорта для сохранения, укрепления здоровья и подготовки к профессиональной деятельности.

Для реализации обозначенной выше цели предполагается решение следующих задач [5, с. 4–5]:

- понимание и принятие студентом социальной роли и ценностей физической культуры в профессионально-личностном формировании будущего специалиста;
- овладение знаниями научно-биологических, методических и практических основ физической культуры и здорового образа жизни;
- формирование мотивационно-ценностного отношения к физической культуре, потребности в регулярных занятиях физическими упражнениями и видами спорта;
- использование средств физической культуры и спорта для профилактики заболеваний, психического благополучия, развития и совершенствования качеств и свойств личности;
- овладение опытом активной физкультурно-спортивной деятельности по освоению ценностей физической культуры.

Занятия по учебной дисциплине «Физическая культура» в учреждении высшего образования для студентов первой ступени дневной формы получения образования являются обязательными в течение всего периода теоретического обучения и планируются в рамках цикла «Дополнительные виды обучения» в соответствии с учебно-программной документацией на первых двух курсах в объеме не менее четырех учебных часов в учебную неделю, а на последующих курсах – двух учебных часов в учебную неделю. В учебно-программную документацию с третьего курса включается факультативная учебная дисциплина, направленная на физическое воспитание обучающихся, в объеме не менее двух учебных часов в учебную неделю (гл. 4, ст. 32, п. 7 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте») [6].

Объем часов и количество занятий по дисциплине определяются образовательным стандартом высшего

образования и типовым учебным планом для специальностей неспортивного профиля.

Важное значение для проектирования и реализации современных моделей подготовки выпускников учреждений высшего образования имеет классификация актуальных компетенций.

И. А. Зимняя, изучая компетентностный подход в образовании, выделяет десять ключевых компетенций: здоровьесбережения, ценностно-смысловой ориентации в мире, гражданственности, саморазвития, интеграций знаний, социального взаимодействия, общения, решения задач, предметно-деятельностную, информационно-технологическую [7, с. 22–23].

В. И. Байденко [8], И. А. Зимняя [7] и Е. И. Смирнова [9] определили, что модель выпускника включает группу частных компетентностей, таких как социальные, инструментальные, общепрофессиональные и специально-профессиональные. Особо значимо то, что в группу социальных компетентностей включены компетенции здоровьесбережения.

А. В. Макаров в своих работах [2, с. 13–23; 10, с. 88–113] классифицирует образовательные компетенции по нескольким критериям: степень агрегирования (укрупнения) компетенций в конкретные группы; целевое назначение и профилированность (специализированность) компетенций; декомпозиция интегральных компетенций на предметно-дисциплинарном уровне. Данный подход был использован при разработке макетов белорусских стандартов нового поколения: второго поколения (2008 г.), третьего поколения (2014 г.), поколения 3+ (2020 г.). В стандартах второго и третьего поколения выделялись три группы компетенций: академические, социально-личностные и профессиональные. С 2021/2022 учебного года в учреждениях высшего образования в формате стандартов поколения 3+ начинает реализовываться обновленная триада компетенций: универсальные, профессиональные и специализированные группы компетенций. Учебные планы специальности поколения 3+ также предусматривают их модульное проектирование. Особую роль призваны сыграть специализированные модули, которые разрабатываются в рамках компонента учреждения высшего образования (в среднем до 50 % от общего объема часов) [11].

Изучая опыт отечественных и зарубежных ученых в контексте реализации компетентностного подхода в высшей школе на примере учебной дисциплины «Физическая культура», мы остановились на приобретении студентами здоровьесберегающих компетенций.

Учитывая состояние здоровья молодых людей, количество тяжелых беременностей и осложненных родов, рождения детей с врожденными и хроническими заболеваниями [12, с. 58–59], нами разработана

педагогическая модель формирования компетенций обучающихся в учреждениях высшего образования для подготовки их к деторождению (рис.).

Данная педагогическая модель представлена в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова в рамках компонента учреждения высшего образования в формате специализированного учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности».

Указанный выше специализированный модуль направлен на подготовку организма студенток к беременности, сопровождение течения беременности на протяжении трех триместров, благополучное родоразрешение и восстановление организма после родов с использованием средств физической культуры. Цель учебного модуля – формирование здоровьесберегающих компетенций обучающихся в учреждениях высшего образования для подготовки студенток к деторождению.

Модуль разработан для всех специальностей неспортивного профиля первой ступени получения высшего образования и утвержден 23 июля 2020 г. (регистрационный номер УД-27-004/уч.). Часы по учебному модулю запланированы в соответствии с типовым учебным планом и классификацией специальностей. Изучение учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» рассчитано на 280 учебных часов, из них 64 часа отводится на теоретическую часть, 216 часов – на практическую часть в течение учебного года. Форма промежуточной аттестации – тесты, текущей – зачет.

Разработанный учебный модуль содержит:

- практическую часть, включающую 18 разделов с комплексами физических упражнений;
- теоретическую часть, представленную 16 темами лекционного курса;
- раздел «Организация самостоятельной работы»;
- формы контроля усвоения изучаемого материала по каждой из частей модуля.

Форма контроля по освоению практической части специализированного модуля включает:

- оценку уровня физической подготовленности при выполнении прыжка в длину с места, наклона вперед, сгибания и разгибания рук в упоре лежа, поднимания туловища из положения лежа на спине за 60 с, челночного бега 4×9 м, бега на 1500 м и 3000 м;
- оценку уровня физического развития при диагностике антропометрических (длина тела, масса тела, окружность грудной клетки, жизненная емкость легких, динамометрия) и физиометрических (артериальное давление, частота сердечных сокращений, частота дыхания) показателей;
- оценку уровня физического здоровья при выполнении упражнений, определяющих индекс Кетле,

жизненный индекс, индекс стени, кистевой индекс, индекс Робинсона;

- оценку здоровья позвоночника при выполнении тестов на определение шейного и пояснично-крестцового остеохондроза;

- оценку индекса здоровья, который находится по формуле $K = \frac{a}{b} \cdot 100\%$, где K – индекс здоровья (в %), a – число студентов, ни разу не болевших в течение года, b – общий списочный состав группы;

- оценку уровня психофизического статуса при выполнении теста диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда), теста самооценки стрессоустойчивости (С. Коухена и Г. Виллиансона), теста на внимание по таблицам Шульте.

Форма контроля теоретической части предусматривает выполнение тестов в модульно-рейтинговой системе посредством тестовых заданий.

Учебный модуль формирования здоровьесберегающих компетенций обучающихся в учреждениях высшего образования для подготовки студенток к деторождению используется в рамках факультативных занятий по учебной дисциплине «Физическая культура» с третьего курса в объеме не менее двух учебных часов в учебную неделю [5].

Реализация рассматриваемого учебного модуля способствует развитию практических двигательных навыков, овладению теоретическими знаниями для подготовки организма к беременности, вынашиванию здоровых детей, благоприятному родоразрешению и восстановлению организма после родов.

В целом учебный модуль «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» позволяет приобрести следующие компетенции:

- получить знания об особенностях изменения женского организма на протяжении трех триместров беременности в период обучения, о компонентах (здоровье и физической подготовленности), о процессе физического развития, о средствах изменения (коррекции) тела в послеродовом периоде, методике их применения;
- получить знания, которые помогут улучшить физическое здоровье для зачатия, хорошего самочувствия в период беременности и облегчат течение родов и восстановление в послеродовом периоде;
- руководствоваться двигательными умениями и навыками, которые необходимы студентам для реализации их в процессе беременности, ориентированы на заботу о собственном здоровье и здоровье будущего ребенка, его изменение (коррекцию) в желаемом направлении в соответствии с происходящими морфофункциональными преобразованиями в процессе

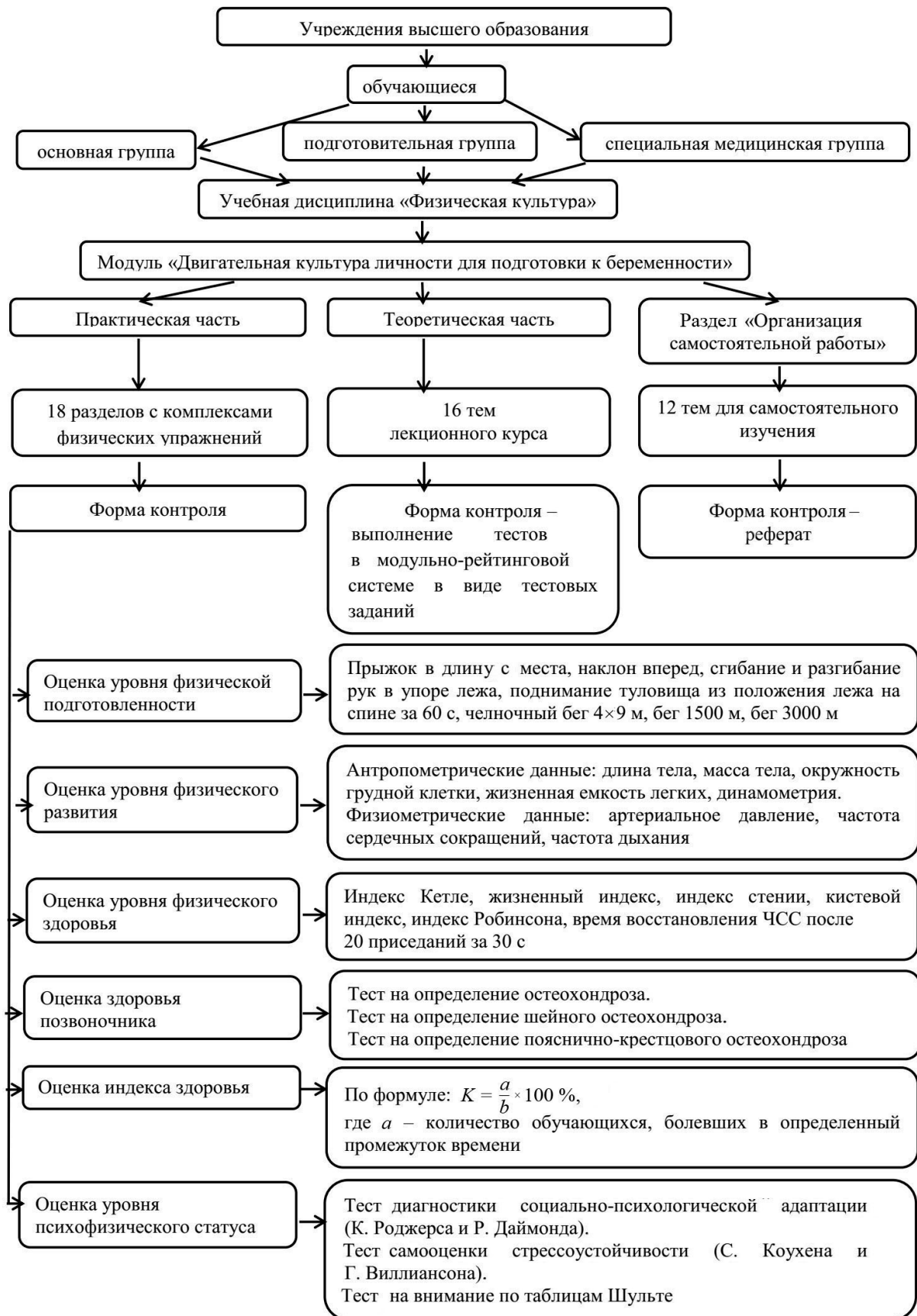


Рис. Педагогическая модель формирования компетенций обучающихся в учреждениях высшего образования для подготовки их к деторождению

беременности, а такжэ ісходзя з трыместра і стыля жыцця;

- получить практычны вопыт у выкананні фізічных упражненняў дыферэнцыраванай напавленнасці ў залежнасці ад праісходзячых змяненняў у арганізме бярэменнай жанчыны;
- овладеть основами дыхательной гимнастики;
- использовать разнообразные средства целенаправленного воздействия на физическое состояние в период беременности в будущем;
- сохранить и укрепить собственное здоровье;
- сформировать у студенческой молодежи потребность в заботе о здоровье и здоровом образе жизни не только в период беременности, но и в текущее время;
- повысить физическое здоровье студентов за счет увеличения арсенала двигательной культуры.

Таким образом, использование представленного учебного модуля позволяет решать поставленные государством задачи в области здоровьесбережения: улучшение демографической ситуации в стране, подготовка молодых людей к взрослой жизни и их дальнейшая социально-профессиональная адаптация.

Список использованных источников

1. Бальсевич, В. К. Спортивно ориентированное физическое воспитание: образовательный и социальный аспекты / В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 5. – С. 19–22.
2. Макаров, А. В. Реализация компетентного подхода при проектировании стандартов высшего образования поколения 3+ / А. В. Макаров // Высшее техническое образование. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 13–23.
3. Лубышева, Л. И. Концепция модернизации процесса профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 12. – С. 13–17.
4. Hardman, K. Physical education in Europe / K. Hardman. – London: Physical education and sport education in the European Union, 2011. – P. 3–14.
5. Физическая культура: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / В. А. Коледа [и др.]; под ред. В. А. Коледы. – Минск: РИВШ, 2017. – 35 с.
6. Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_fizicheskoy_kulture_i_sporte.htm. – Дата доступа: 04.12.2020.
7. Зимняя, И. А. Компетентный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования (теоретико-методологический подход) / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 21–26.
8. Байденко, В. И. Компетентный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие / В. И. Байденко. – М., 2005. – 285 с.
9. Смирнова, Е. И. Реализация компетентного подхода при освоении дисциплины «Физическая культура» в педагогическом вузе / Е. И. Смирнова // Образование в XXI веке: материалы Всерос. науч. заоч. конф. – Тверь, 2010. – С. 141–143.
10. Макаров, А. В. Компетентный подход в высшем образовании: международный и отечественный опыт: учеб. пособие / А. В. Макаров. – Минск: РИВШ, 2019. – 252 с.
11. Макаров, А. В. Гибридизация моделей содержания и технологии высшего образования: аналитический обзор / А. В. Макаров // Высшая школа. – 2021. – № 5. – С. 8–13.
12. Венкович, Д. А. Предпосылки для разработки учебной программы «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в рамках учебной дисциплины «Физическая культура» / Д. А. Венкович // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя Е, Педагагічныя навукі. – 2020. – № 15. – С. 56–60.

Анотацыя

В статье рассматриваются вопросы реализации компетентного подхода при изучении учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в рамках учебной дисциплины «Физическая культура» для всех специальностей неспортивного профиля первой ступени получения высшего образования. Представлена педагогическая модель формирования компетенций обучающихся в учреждениях высшего образования для подготовки их к деторождению. Предложенная модель позволит повысить уровень физической подготовленности, физического развития и уровень теоретических знаний студенток в период обучения в учреждении высшего образования для благополучного деторождения и совершенствования здоровьесберегающих компетенций.

Abstract

The article discusses the implementation of the competence-based approach in the study of the educational module «Personal motor culture for preparation for pregnancy» within the discipline «Physical culture» for all specialties of the non-sports profile of the first stage of higher education. The article presents a pedagogical model of the formation of the competencies of students in higher education institutions to prepare them for childbirth. The presented model will allow to increase the level of physical fitness, physical development and the level of theoretical knowledge of female students during the period of study in a higher education institution for a safe childbearing and improving health-preserving competencies.

Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании биоэтических ценностных ориентаций студента медицинского вуза

Т. А. Совостюк,

старший преподаватель кафедры философии и политологии, магистр исторических наук, Белорусский государственный медицинский университет

Современная медицина в эпоху социальных и научно-технических революций вынуждена решать исключительно сложные моральные проблемы, связанные с новыми технологическими вызовами. В средствах массовой информации все чаще предметом широких публичных дискуссий становятся нарушения этики медицинскими работниками в отношении пациента, врачебные ошибки, незаконные клинические испытания на людях. Отсутствие доверия, домыслы, ограниченный доступ к режиму хранения врачебной тайны – все это негативно сказывается на общем образе медицины и тех, кто в ней работает, а излишняя медикализация общества мешает нормальным процессам коммуникации между субъектами медицинской помощи. Вдобавок наблюдается процесс коммерциализации медицины, сопровождающийся нигилизацией гуманитарной составляющей, и тем самым ставится под сомнение бескорыстность врачебной деятельности.

Как отмечал врач-онколог, ученый В. Р. Поттер, человечеству срочно требуется новая мудрость, которая бы являлась «знанием о том, как использовать знание» для выживания человека и улучшения его жизни. Наука должна строиться на знании биологии и в то же время выходить за границы ее традиционных представлений, включать в сферу своего рассмотрения наиболее существенные элементы социальных и гуманитарных наук, среди которых особое значение принадлежит философии, понимаемой как «любовь к мудрости». В свою очередь наука выживания должна быть не просто наукой, а новой мудростью, которая бы объединила два наиболее важных и крайне необходимых элемента – биологическое знание и общечеловеческие ценности.

Таким образом, из отмеченного выше очевидна необходимость глубокой гуманитарной подготовки будущего медицинского работника. Цель данной статьи – определение роли социально-гуманитарных дисциплин в формировании биоэтических ориентаций студента медицинского вуза.

Как мы видим, существенно меняются роль и сущность социально-гуманитарной подготовки в вузе. Особое значение здесь имеет сочетание профессиональной и гуманитарной подготовки студента медицинского вуза, основанной на биоэтических ценностях. Образование врача, занимающегося лечебной практикой, не должно и не может ограничиваться одним только комплексом профессиональных медицинских знаний, хотя им принадлежит, несомненно, первостепенное место. Важнейшей составляющей образовательного процесса является гуманитарное знание, обеспечивающее фундаментальное образование студентов медицинского вуза. Умение подчинить себя интересам больного, милосердие и самоотверженность – это не только и не просто заслуживающие уважения свойства личности врача, но и свидетельство его профессионализма [1].

Одна из основных задач подготовки современного конкурентоспособного специалиста высшего медицинского образования заключается в развитии его гуманитарных компетенций, которое должно происходить в сформированной гуманитарной и поликультурной среде. Игнорирование этих факторов в процессе подготовки будущего врача будет по-прежнему создавать предпосылки его эмоциональной, социальной и профессиональной некомпетентности, понижения престижа медицинской профессии, роста недоверия к отечественной медицине [2].

Таким образом, перед высшей школой медицинского образования стоит задача дать студенту не только профессиональные знания и умения, но и сформировать ценностные ориентиры будущего врача, которые должны составлять основу его мировоззренческих позиций. Базой гуманистической подготовки будущего врача является гуманитарное образование, которое по своему определению непосредственно обращено

к человеку, к его интеллектуальной и эмоциональной сферам, к осознанию им своего места в обществе. Не новым будет утверждение, что основной носитель нравственных ценностей – гуманитарные дисциплины [3].

На принципах гуманистической этики базируются биоэтические ценности благоговейного отношения к живому и нравственному осознанному деятельному отношению к жизни, здоровью, смерти человека. Будущим специалистам необходимо ознакомление с нравственными сторонами актуальных проблем современной медицины и медико-биологических исследований, связанных с применением современных технологий. Как отмечает Т. В. Мишаткина, необходим поиск новых подходов к пониманию самого гуманизма, нравственных ценностей, границ познания человека. Только в таком случае рациональное и ценностное начала, гармонически сочетаясь, становятся определяющими установками в учебном процессе. Этико-гуманитарная подготовка студентов медицинских и биологических специальностей – важнейшая государственная задача, решение которой призвано существенно повлиять на процесс оптимизации работы в области здравоохранения [4].

Каждый молодой человек, выбирая такую сферу деятельности, как медицина, должен обязательно пройти курс социально-гуманитарной подготовки, без которой невозможно медицинское образование. В рамках этого курса рассматриваются биоэтические ценностные ориентиры будущего медика и формируется биоэтическое мышление.

Проблема ценностей широко представлена в литературе. Это понятие рассматривается с различных позиций: философии, социологии, педагогики, психологии, культурологии – и носит междисциплинарный характер. Значительный вклад в разработку проблемы исследования ценностей внесли Б. Г. Ананьев, В. А. Василенко, О. Г. Дробницкий, А. Г. Здравомыслов, М. С. Каган, В. А. Сластенин, Н. С. Розов, Д. А. Леонтьев, В. П. Тугаринов, В. А. Ядов и др.

Изучению проблем студенческой молодежи Республики Беларусь посвящены исследования таких ученых, как Е. М. Бабосов, Н. А. Барановский, Д. М. Булышко, А. Н. Данилов, Е. А. Данилова, О. В. Иванюто, А. Г. Злотников, Н. Е. Лихачев, И. В. Котляров, В. В. Кириенко, В. В. Клейман, И. Ф. Мацкевич, Л. И. Науменко, Д. Г. Ротман, З. А. Севковская, Л. Г. Титаренко и др. Ими рассматривались актуальные вопросы становления современного белорусского студенчества, его смыслообразующих, базовых и инструментальных ценностей, образа жизни, идентичности.

Справедливо высказывание Е. М. Бабосова относительно того, что «именно в ценностях выражается деятельно-практическое и заинтересованное освоение человеком мира, следовательно, отношение человека к миру – природному и социальному, к другим людям и к самому себе» [5].

Как полагают В. В. Кириенко, В. В. Клейман, А. А. Злотников, «в мучительных поисках системы координат молодое поколение осваивает окружающий мир, который на настоящем этапе общественного развития сам находится в состоянии перманентной трансформации. Перед отечественным обществоведением актуализируется задача выработки условий освоения молодым поколением, особенно студенческой молодежью, передовых цивилизационных достижений при сохранении его национально-этнического идентификационного кода, соответствующих ему образа жизни, базовых и инструментальных ценностей» [6].

Под влиянием различных сложных процессов в современном мире трансформируется и система ценностей белорусской молодежи. Поэтому сфера образования как основа мировоззрения гражданского воспитания и национального самосознания является источником духовного, нравственного, интеллектуального, культурного и профессионального развития отдельной личности и народа в целом. Ценностные ориентации формируются на основе системы ценностного сознания личности. Ценностно-ориентированная деятельность студентов медицинского профиля должна быть основана на сознании личностью значимости и необходимости нравственных ценностей [7].

Особое внимание в литературе уделяется гуманизации медицинской профессии, повышению профессиональной нравственной ответственности будущих врачей, биоэтическим аспектам формирования личности будущего врача, биоэтическому мышлению, биоэтическим ориентирам и ценностям как в зарубежной (И. В. Силуянова, Б. Г. Юдин, П. Д. Тищенко, Е. В. Брызгалина, Ю. А. Евельсон, А. Н. Магомедова, Л. Н. Харченко, Т. В. Мещерякова, О. В. Герасимова, Л. В. Музалевская, Н. Н. Блохина, В. М. Соколов, О. А. Семенова, А. А. Сидякова, Л. М. Копельман, Дж. И. Малек, К. Р. Малек, Т. Л. Бичамп, Дж. Ф. Чилдресс и др.), так и в отечественной (Т. В. Мишаткина, Я. С. Яскевич, С. Д. Денисов, Ф. И. Висмонт, С. Б. Мельнов, Л. М. Логиновская, Т. В. Глинкина, А. А. Александров, В. Н. Соколыч, А. И. Климович, И. Г. Красникова, Т. С. Тарасевич и др.) литературе.

В образовательном процессе высшей школы немаловажное место должны занимать гуманитарные дисциплины, через призму которых будущий врач формирует свою устойчивую позицию профессионала, нацеленную на сохранение жизни, как отмечается в клятве врача Республики Беларусь: «Клянусь в любое время помогать каждому пациенту независимо от его социального происхождения...».

На базе социально-гуманитарных дисциплин необходимо рассматривать и биоэтические ценности, базирующиеся на ведущих витальных (жизнь, здоровье) и нравственных (милосердие, сострадание ко всему живому, сохранение чести, достоинства, прав и свобод человека) ценностях как идейного и морального основания будущей деятельности врача. Как от-

мечает Ю. А. Евельсон, биоэтические ценности выделяются на основании модификации традиционных моральных принципов и ценностей в профессиональной деятельности медиков и биологов и формулируются в системе определения новых деонтологических отношений и связей в современной медицинской практике – в процессе биомедицинских исследований и лечения больных [8].

Формирование профессиональной и социальной ответственности будущего врача – приоритетная задача кафедры социально-гуманитарных дисциплин, реализуемая в различных направлениях. Широко известна репутация Белорусского государственного медицинского университета, который первым на постсоветском пространстве отказался от использования животных в учебных целях, а также репутация преподавателей, которые выступили пионерами этого начинания, – Т. С. Морозкина, С. Д. Денисов, Ф. И. Висмонт [9]. Несомненно, в такой атмосфере университета обучение студентов должно вестись через призму биоэтических ценностей.

Роль изучения философии для будущих врачей трудно переоценить. Философия помогает не только осмыслить окружающий мир, но и в рамках профессиональной деятельности выстроить гуманное, человечное, истинно заинтересованное отношение к пациенту. Без осмысления таких категорий, как «добро» и «зло», «страдание» и «сострадание», «долг» и «честь», «жизнь» и «смерть», невозможно сформировать профессиональную позицию медика, ибо только они помогают выстроить схему общения как по горизонтали («врач – пациент»), так и по вертикали («врач – врач»), которая необходима медицинским работникам в их дальнейшей деятельности, выработать способность и привычку к рефлексии над проблемами жизни и смерти, здоровья и болезни.

Без исторических, политических знаний невозможно полное осознание студентом-медиком главных биоэтических принципов врачебной деятельности: «не навреди», «делай добро», «сострадание», «милосердие», «благотворительность». Чудовищные эксперименты над людьми во время Второй мировой войны, злоупотребление психиатрией в политических целях, как, например, в Советском Союзе, нацистской Германии, и многие другие примеры показательны. В целом политические знания помогут студентам ориентироваться в сложной обстановке, сделать сознательный выбор и занять достойную гражданскую позицию, рассматривая многих врачей отечественной и зарубежной медицины, чья жизнь стала символом единства добра и долга, таких как В. Войно-Ясенецкий, А. Швейцер, Н. Пирогов, И. Гааз, Я. Мудров, В. Вересаев, Н. Амосов и др.

Изучение цикла социально-гуманитарных дисциплин должно быть увязано со спецификой будущей специальности, учитывая прикладные аспекты. Большое значение для будущих врачей имеет социоло-

логия. Проводимые в рамках социологии конкретные эмпирические исследования дают богатый материал по совершенствованию управления системой здравоохранения, предотвращению заболеваний населения. Социология ставит своей целью ознакомить студентов-медиков с основными социологическими понятиями, представлениями и теориями, показать методику проведения конкретного социологического исследования. Студенты-медики на основе выбранных методик могут проводить микросоциологические исследования в сфере здравоохранения, одновременно приобщаясь и к основам собственной специальности, а также на всю жизнь выработать собственное субъективное отношение к различным проблемам социума.

Биоэтические ценностные ориентиры в практической деятельности медицинского персонала не могут успешно решаться без усвоения студентами правовых норм, предусмотренных законодательством в области здравоохранения. Так, приобщая студентов к правовой культуре по дисциплине «Права человека», дается возможность критически отнестись к своей профессиональной деятельности и оценить ее в соответствии с нормативными документами Республики Беларусь. На практике студенты рассматривают казусы, связанные с их практической деятельностью, при соблюдении основных биоэтических принципов, таких как «информированное согласие», «сохранение врачебной тайны», «конфиденциальность», «правдивость» придерживаясь законов Республики Беларусь.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании образовательный процесс – это обучение и воспитание, организованные учреждением образования в целях освоения обучающимися содержания образовательных программ. Основные понятия, описывающие образовательный процесс, – «обучение», «воспитание», «развитие». Обучение, понимаемое как процесс присвоения человеком норм и способов действий, социально значимого опыта, осуществляется посредством самостоятельной деятельности обучающегося, организованной преподавателем. Воспитание характеризуется как воздействие на потребности и ценности человека, как процесс осмысления внешних целей и превращения их во внутренние. Воспитание предопределяется направленностью на личность, ее интересы и ценности. Развитие выступает как процесс становления фундаментальных способностей человека: мыслительных (умение думать), рефлексивных (умение действовать), коммуникативных (умение общаться).

Таким образом, одним из принципов государственной политики в сфере образования является приоритет общечеловеческих ценностей и гуманистического характера образования [10]. Тем самым обучение, воспитание и развитие личности в системе медицинского образования высшей школы необходимо осуществлять на основе биоэтических ценностей.

Профессиональное образование невозможно представить в виде совокупности учебных дисциплин, у которых нет опоры на воспитание и развитие. Поэтому образовательный процесс помимо учебных мероприятий должен в обязательном порядке включать дополнительное образование обучающихся в виде различных направлений: социально-творческую деятельность, клубную деятельность, встречи с ветеранами, научные кружки.

Дисциплины гуманитарного цикла позволяют формировать такие компетенции специалиста, без которых немисливо дальнейшее инновационное и стабильное развитие общества:

- способность к критике и самокритике;
- способность работать в команде (в том числе междисциплинарной);
- навыки межличностных отношений;
- способность общаться со специалистами из других областей;
- принятие различий и мультикультурности;
- способность работать в международной среде;
- приверженность этическим ценностям;
- способность к организации и планированию;
- принятие решений;
- способность адаптироваться к новым ситуациям;
- лидерство;
- разработка и управление проектами;
- инициативность [11].

В связи с этим именно усиление качественной гуманитарной составляющей высшего образования входит в число определяющих факторов, способствующих повышению культурного и духовного уровней студенческой молодежи медицинского вуза. Задачей гуманитарного знания в процессе обучения является формирование у будущего врача потребности в нравственном совершенствовании, укрепление его веры в возможность использования гуманитарных знаний во благо человека. В медицинских и фармацевтических вузах гуманизации и гуманитаризации педагогического процесса следует уделять должное внимание в аудиторное и внеаудиторное время, ведь гуманитарный аспект медицинского образования отражает весь спектр гуманитарных проблем профессиональной деятельности врача – это и проблемы взаимоотношения с пациентами и членами их семей, коллегами, и вопросы медицинского права, и аспекты влияния научных открытий на жизнедеятельность человека [12].

В современных условиях развития общества и медицинского знания норм деонтологии становится уже недостаточно для решения многих проблем. Ей на смену приходит биоэтика, и мы говорим о целесообразности формирования биоэтического мышления студентов медицинских вузов [13]. Фрагментарное обучение, когда обучающийся знает свою профессиональную область, но не имеет понятия об окружающем мире, просто недопустимо. Поэтому роль социально-гуманитарных наук сегодня остается акту-

альной в биоэтической подготовке будущих медиков, а их изучение должно стать отправной точкой образовательного процесса в медицинском вузе.

Итак, социально-гуманитарный цикл реализует важные функции образовательного и воспитательного характера.

Первая функция – развитие личностных качеств, творческой индивидуальности, биоэтических ценностных ориентаций, биоэтического мышления.

Вторая функция – обучение культуре жизни, правилам взаимоотношений с людьми и природой, врача с пациентом, правильному отношению к своему здоровью и здоровью пациентов.

Третья функция – помощь в приобретении общекультурного и профессионального роста личности, основанная на биоэтических ценностях.

Таким образом, знания, полученные при изучении социально-гуманитарных дисциплин, являются теоретической основой формирования биоэтических ценностных ориентаций студентов медицинского вуза. Они позволяют не только грамотно лечить, диагностировать, предупреждать болезнь, но и адекватно оценивать ситуацию в профессиональном, правовом и нравственном аспектах.

Список использованных источников

1. Силуянова, И. В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для вузов / И. В. Силуянова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2020. – С. 22.
2. Давыдова, Т. В. О роли гуманистических ценностей профессии врача в системе высшего медицинского образования / Т. В. Давыдова // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2011. – Т. 6, № 1. – С. 348.
3. Китайгородская, Г. А. Гуманизация и гуманитаризация системы образования – социальная проблема / Г. А. Китайгородская // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2008. – № 3. – С. 6.
4. Биомедицинская этика: учеб. пособие / Т. В. Мишаткина [и др.]; под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, С. Д. Денисова, Я. С. Яскевич. – Минск, 2003. – С. 5.
5. Бабосов, Е. М. Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск: Изд-во «Беларуская навука», 2015. – С. 162–163.
6. Кириенко, В. В. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни / В. В. Кириенко, В. В. Клейман, А. А. Злотников; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2015. – С. 6–7.
7. Сивцева, А. Р. Ценностные ориентации личности в образовательном пространстве вуза / А. Р. Сивцева // Международный журнал «Мир науки, культуры, образования». – 2013. – № 3(40). – С. 210.
8. Евельсон, Ю. А. Использование методов активного обучения как условие формирования биоэтических ценностей студентов медицинского колледжа / Ю. А. Евельсон // Омский научный вестник. – 2010. – № 2. – С. 228.
9. Мишаткина, Т. В. Биоэтическая стратегия применения альтернатив в биомедицинском образовании [Электронный ресурс] / Т. В. Мишаткина. – Режим доступа: <https://conf.grsu.by/cei2011/-p=130.htm>. – Дата доступа: 03.02.2020.
10. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З: принят Палатой представителей

2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: в ред. от 26 мая 2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Дата доступа: 08.03.2020.

11. *Егорова, Ю. А.* Роль и значение гуманитарных дисциплин в структуре профессиональной подготовки будущих инженеров [Электронный ресурс] / Ю. А. Егорова. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2012/11/16/egorova-yua-rol-i-znachenie-gumanitarnykh-distiplin-v>. – Дата доступа: 03.02.2020.

12. *Шаповал, Г. Н.* Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения иностранных студентов-медиков / Г. Н. Шаповал // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 1(33). – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 164.

13. *Музалевская, Л. В.* Актуализация проблемы формирования биоэтического мышления студентов медицинских вузов / Л. В. Музалевская, Н. Н. Блохина // Сибирский медицинский журнал. – 2011. – Т. 101, № 2. – С. 141.

Анотация

В статье рассматривается особая роль в обучении студента медицинского вуза сочетания профессиональной и гуманитарной подготовки, основанной на биоэтических ценностях. Перед высшей школой медицинского образования стоит задача дать студенту не только профессиональные знания и умения, но и сформировать ценностные ориентиры будущего врача, базирующиеся на ведущих витальных (жизнь, здоровье) и нравственных (милосердие, сострадание ко всему живому, сохранение чести, достоинства, прав и свобод пациента) ценностях. Будущим специалистам необходимо ознакомление с нравственными сторонами актуальных проблем современной медицины и медико-биологических исследований, связанных с применением современных технологий. Таким образом, социально-гуманитарные дисциплины в высшей школе реализуют важные функции образовательного и воспитательного характера, а знания, полученные при изучении этих дисциплин, являются теоретической основой формирования биоэтических ценностных ориентаций студентов медицинского вуза.

Abstract

The article considers the special role in the preparation of a medical university student of a combination of professional and humanitarian training based on bioethical values. The higher school of medical education has the task to give the student not only professional knowledge and skills, but also to form the value guidelines of the future doctor, based on the leading vital (life, health) and moral values (mercy, compassion for all life, preservation of honor, dignity, rights and patient freedoms). Future specialists need to familiarize themselves with the moral aspects of the current problems of modern medicine and biomedical research related to the use of modern technologies. Thus, social and humanitarian disciplines in higher education implements important educational and educational functions, and the knowledge gained in the study of these disciplines is the theoretical basis for the formation of bioethical value orientations of medical students.

ГУО «Республиканский институт высшей школы» Редакционно-издательский центр предлагает

Под редакцией С. В. Агиевец, Г. А. Василевича

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности «Правоведение»

МЕДИЦИНСКОЕ
ПРАВО



В учебном пособии на основе действующего законодательства и практики его применения рассматриваются правовые вопросы, возникающие при реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Содержится системный анализ организации здравоохранения, прав, обязанностей и ответственности пациентов и медицинских работников при оказании медицинской помощи. Представлены виды медицинских экспертиз. Большое внимание уделяется донорству и трансплантации, оказанию психиатрической помощи, репродуктивным правам граждан, эвтаназии, клонированию и анатомическому дару.

Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам и преподавателям учреждений образования юридического профиля, практикующим юристам, а также всем тем, кто интересуется актуальными вопросами оказания медицинской помощи.

ISBN 978-985-586-321-3

Цена 20 руб. 35 коп.

Информацию о реализуемой учебной и методической литературе можно посмотреть на сайте www.nihe.bsu.by.

Заказы принимаются по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская, 15, к. 126, тел./факс 219 06 63.

Исследования феномена Институтов Конфуция в глобальной системе гуманитарного знания

Н. В. Костеева,
аспирант отдела исследований глобализации,
регионализации и социокультурного сотрудничества,
Институт философии
Национальной академии наук Беларуси

С ускорением процессов глобальной экономической и культурной интеграции происходит углубление взаимодействия государств в политической, экономической и культурной областях. В этом свете язык и культура как базовые инструменты цивилизационного взаимодействия приобретают иное значение, открывая новые возможности сотрудничества как в политико-экономической, так и в образовательной плоскости.

Современный Китай чутко улавливает изменение глобальной конъюнктуры и все более активно вовлекается в международные процессы. Создание и поддержание работы системы Институтов Конфуция представляется образовательным измерением его внешней активности, а потому на своем примере демонстрирует эволюцию подходов Китая к взаимодействию со своими партнерами. За 16 лет работы создан 541 Институт Конфуция и 1170 Классов Конфуция в 162 странах и регионах мира. При этом больше всего Институтов Конфуция действует в Европе, далее следует Америка (Северная и Южная), затем Азия, Африка и Океания. В случае с Классами Конфуция ситуация иная. На первом месте находится Америка, на втором – Европа, далее Азия, Океания, Африка.

В настоящее время более 70 стран по всему миру включили китайский язык в свои национальные системы образования, более 4000 зарубежных университетов открыли курсы китайского языка. Китайский язык изучают около 25 млн человек за пределами Китая, а в целом количество людей, изучающих и использующих китайский язык, приближается к 200 млн. В этой связи созданная в 2004 г. сеть Институтов Конфуция стала важным предметом академических дискуссий и актуальным объектом для пристальных научных исследований.

Исходя из многообразия научных исследований, цель статьи – проанализировать основные академические подходы к феномену Институтов Конфуция, что позволит осмыслить многослойность и неоднозначность восприятия указанного проекта. Таким образом, цель статьи предусматривает решение следующих задач:

- рассмотреть многообразие научных работ авторов из различных стран мира, исследующих феномен Институтов Конфуция;
- выявить схождения и расхождения во взглядах, региональные и глобальные особенности;
- генерализовать мнения относительно феномена Институтов Конфуция, сформировав концептуальную проблемную рамку для дальнейших социально-философских исследований в данном направлении.

Отечественная традиция исследований феномена Институтов Конфуция

На конец 2021 г. на территории Республики Беларусь созданы 6 Институтов Конфуция, открыты 2 независимых Класса Конфуция, а гуманитарное изменение белорусско-китайского сотрудничества нашло широкое отражение в результатах как индивидуальных научных заданий, так и реализованных академическими коллективами исследовательских проектов. Оценка деятельности Институтов Конфуция в развитии белорусско-китайского сотрудничества в области высшего образования дана Д. А. Смоляковым в работе «Белорусско-китайское взаимодействие в сфере

образования и университетской науки», где детально проанализированы основные этапы развития двустороннего взаимодействия в сфере образования и науки в период с 1992 по 2017 г. Автор подчеркивает, что проект «Институты Конфуция», поддерживаемый правительством Китайской Народной Республики, демонстрирует колоссальную динамику на фоне остальных белорусско-китайских проектов в сфере образования. Он стал важной частью интернационализации высшего образования Беларуси, во многом явившись локомотивом белорусско-китайского взаимодействия. Автор резюмирует, что при расширении и совершенствовании форм белорусско-китайского академического сотрудничества, неотъемлемой частью которого являются Институты Конфуция, следует уделить особое внимание межкультурным коммуникациям, изучению специфики образовательных систем Беларуси и Китая, обусловленных разной ментальностью, отличиями философских систем и дидактических постулатов. Правильная оценка этих различий и особенностей позволит повысить эффективность реализации и наполнить новым содержанием белорусско-китайский диалог в сфере высшего образования [1].

Различные аспекты роли Институты Конфуция в динамике белорусско-китайского партнерства исследовались такими авторами, как В. А. Богуш, О. И. Лазоркина, Ли Юнцюань, Чжан Синьян, А. А. Тозик, Ван Лицзюнь, М. В. Цивес, Н. П. Баранова, А. Д. Король, К. В. Козадаев, Л. М. Хухлындина, Т. Н. Кузьмина, В. М. Молофеев. Генерализовать мнения упомянутых авторов можно следующим образом: для Беларуси характерно развитие сети специализированных Институты Конфуция, в которых наряду с основной миссией преподавания китайского языка реализуются их индивидуальные специализации, такие как развитие школы китаеведения, научно-методическое сопровождение процесса развития системы обучения китайскому языку, активизация научно-технического сотрудничества Беларуси и Китая, развитие традиционных китайских боевых искусств, спорта и туризма. Особо необходимо обратить внимание на потенциал Институты Конфуция в налаживании стратегических связей с китайскими вузами-партнерами, что положительно влияет на процесс интернационализации белорусского высшего образования. Беларусь и Китай активно развивают межвузовские контакты, демонстрируя взаимную заинтересованность в них, ведут поиск перспективных направлений и форм сотрудничества в образовательных и научно-технических сферах.

В целом можно сделать вывод, что белорусские авторы исследуют Институты Конфуция в прикладном аспекте как элемент общего развития белорусско-китайского гуманитарного сотрудничества. В центре внимания исследователей находятся хронология их создания и особенности функционирования, качественные и количественные результаты. Об-

щим выводом белорусских исследований может быть уверенность, что в дальнейшем должна произойти трансформация Институты Конфуция в научно-образовательные центры, что расширит и ускорит белорусско-китайское взаимодействие.

Исследования Институты Конфуция в русскоязычной литературе

В отличие от белорусских источников, анализ деятельности Институты Конфуция в иностранной русскоязычной литературе, как правило, реализуется на основе изучения механизмов и тенденций воплощения мягкой силы Китая. В этой парадигме можно представить работы С. В. Михневич, Э. О. Леонтьевой и М. С. Белокопытовой [2], Е. Н. Румянцевой [3], Ли Менлонг, Сан Юэ, Лю Чженьюй, В. А. Абрамова и Ван Шо [4].

Российские ученые отмечают, что Институты Конфуция стали платформой Китая для повышения статуса китайского образования в мире. С другой стороны, русскоязычные авторы придерживаются и другой парадигмы, в рамках которой Институты Конфуция выступают инновационным элементом академического взаимодействия, новой платформой справедливого международного сотрудничества в области образования. В этой парадигме сеть Институты Конфуция является уникальным элементом новой системы китайского гуманитарного сотрудничества с миром, реализованного на основе принципа «согласованной гармонии», а не «единства без различий». Под таким новым элементом рассматривается не университет в классическом понимании, а новый вид сетевого университета [5].

Таким образом, в русскоязычных исследованиях Институты Конфуция рассматриваются двояко: с позиции мягкой силы как элемент культурной дипломатии Китая и с позиции академических инноваций в качестве нового сетевого университета, элемента интернационализации высшего образования Китая. Авторы уверены, что в будущем деятельность Институты Конфуция будет расширяться и станет более многогранной, комплексной и адресной.

Институты Конфуция в англоязычных источниках

Анализ англоязычных исследований представляет особый интерес для понимания развития и роли Институты Конфуция в мире. С одной стороны, англоязычные авторы отмечают, что Институтам Конфуция не хватает академической свободы и независимости, они превратились в инструмент китайского влияния, проект идеологического воздействия. С другой стороны, Институты Конфуция стали одним из ключевых инструментов культурной дипломатии Китая, а значит, это важный инструмент общения.

По мнению Р. Петерсон, модель организации Институтов Конфуция связана с экспортом идеологии коммунистической партии Китая и неизбежным нарушением академических свобод [6]. В рамках данного подхода был закрыт первый в Европе Институт Конфуция при Стокгольмском университете. Также прекратили существование Институты Конфуция в Университете Осаки, Университете Макмастера, Университете Леона, Чикагском университете, Университете Пенсильвании, а в Швеции были закрыты все Институты и Классы Конфуция.

Другая исследовательская позиция исходит из того, что Институт Конфуция – это успешный академический проект, который обладает развернутой международной сетью учреждений и снискал определенный интерес в странах-партнерах. В рамках такой парадигмы Институты Конфуция вписываются в традиционные модели культурной дипломатии, как, например, Французский Альянс, Британский Совет, Институт Сервантеса, Институт Данте, Институт Гете и т. д. А потому этот вектор их работы может быть признан легитимным, тем более, что роль Институтов Конфуция в качестве культурной дипломатии может быть полезна как Китаю, так и принимающей стране, а их незначительное геополитическое влияние доказано опытом реализации подобных проектов культурной дипломатии.

На перекрестке представленных знаний формируется новый подход, в рамках которого «культурная дипломатия» заменяется «дипломатией знаний». С этой точки зрения китайское правительство продвигает Институты Конфуция как важную составляющую интернационализации высшего образования – одного из наиболее важных направлений поддержки национальной конкурентоспособности в современном мире. В этой парадигме Институты Конфуция усиливают глобальную академическую кооперацию, совершенствуют качество образования, расширяют научные и академические связи. Итогом такого влияния может стать разработка решений для вызовов современности, включая проблемы неравенства, экологии, признания национальными субъектами взаимных интересов и выгод международного сотрудничества.

Таким образом, дихотомия научных взглядов, представленных в англоязычной литературе, рассматривающей Институты Конфуция как инструмент китайского влияния, с одной стороны, и инструмент культурной дипломатии и межкультурного общения – с другой, дала основу для возникновения новой исследовательской перспективы в изучении Институтов Конфуция – «дипломатии знаний». В рамках нового подхода Институты Конфуция выступают институциональным инструментом интернационализации образования, а потому их деятельность направлена не на улучшение внешней лояльности к китайской политике, но на решение актуальных проблем со-

временности посредством эффективного повышения качества глобального образования.

Институты Конфуция в источниках на китайском языке

В китайской научной литературе можно выделить несколько научных подходов к рассмотрению Институтов Конфуция. Большинство исследователей видят их в рамках герменевтической парадигмы как инструмент улучшения взаимопонимания между Китаем и остальным миром. С другой стороны, существует и альтернативное мнение о том, что в работе Институтов Конфуция присутствует ряд аспектов, сдерживающих их деятельность и негативно влияющих на диалог Китая с миром. Среди основных таких аспектов можно назвать недостаточную интеграцию и локализацию, государственный контроль, ограниченность учебных программ, слабые гарантии местного софинансирования, отсутствие механизмов предотвращения и разрешения споров.

Генерализируя представленные мнения, можно заключить, что, с одной стороны, Институты Конфуция имеют уникальную сильную сторону. В отличие от сопоставимых организаций из других стран, этот проект в основном реализуется на паритетных началах и в рамках учреждений высшего образования. Несмотря на автономию в работе, эти учреждения изначально встроены в академическую систему той или иной страны-партнера. С другой стороны, этому проекту не хватает академической свободы и независимости, что несовместимо с современным развитием академической жизни. В этом смысле устаревание стратегии воплощения Институтов Конфуция может привести к увеличению негативных академических настроений со стороны иностранных партнеров, которые будут рассматривать китайскую инициативу в качестве элемента культурного вторжения. В этой связи предлагается децентрализация и деполитизация работы Институтов Конфуция, а также усиление координации и сотрудничества между Институтом Конфуция и местными университетами [7].

Для преодоления негативных тенденций в отношении к Институтам Конфуция необходимо перейти из стадии быстрого роста в стадию качественного развития. Институты Конфуция не могут использовать универсальную модель во всех регионах и странах, поэтому важно принять стратегию управления иностранных университетов, адаптированную к местным условиям. Институтам необходимо учитывать потребности среды и общества, где они учреждаются, уважать культурное разнообразие и преодолевать имеющиеся различия, вводить новаторские модели развития, чтобы представить новый образ образовательных учреждений, включать в деятельность разноплановые партнерские организации, такие как общественные организации, предприятия и сообщества.

Авторы Юань Юйчжи и Ли Цинъюй приходят к выводу, что Институты Конфуция – это равноправный совместный проект китайского и иностранного университетов. Институты Конфуция становятся элементом системы развития партнерского иностранного университета, частью его академического сообщества, создают многовекторную систему коммуникации в системе мультикультурного общения в политике, экономике, образовании и культуре [8]. Также Институты Конфуция могут более активно включаться в формирование личных социальных смыслов на основе богатства смыслов китайской культуры [9].

Китайские исследователи подчеркивают важную роль Институтов Конфуция в обеспечении двустороннего общения и взаимного обучения Востока и Запада. Стратегия культурного влияния должна уступить место стратегии культурной коммуникации. В этой парадигме цель создания Институтов Конфуция дистанцируется от пропаганды, но ориентируется на передачу и принятие информации между людьми, сообществами, образовательными учреждениями и странами. На основе такого понимания формируется взгляд на Институты Конфуция как инструмент интернационализации, в рамках которой этот проект интерпретируется не как элемент культурной дипломатии, но как инструмент улучшения качества образования. В этом контексте, исходя из тезиса Дж. Найт о перераспределении знаний в мире, китайские ученые Ву Ханьтянь и Чжа Цян делают вывод о цели работы Институтов Конфуция – транскультурное распространение инноваций на благо международного развития [10]. Создание и развитие Институтов Конфуция дает преимущества и возможности для улучшения образования как в Китае, так и в принимающих странах, расширяя глобальные каналы академической коммуникации и улучшая возможности международного академического сотрудничества в мире.

Особое место в китайской научной литературе занимают исследования роли Институтов Конфуция в реализации инициативы «Пояс и путь». Такой анализ также основывается на рассмотренной ранее бинарности взглядов. С одной стороны, китайские ученые подчеркивают, что Институты Конфуция интегрируются и развиваются в общей концепции «Пояса и пути», а потому должны служить потребностям национальной дипломатии. С другой стороны, существует уверенность, что деятельность Институтов Конфуция не может формироваться в одностороннем порядке, а потому должна способствовать не усилению влияния самого по себе, но улучшению климата и возможностей международного сотрудничества в странах «Пояса и пути».

Таким образом, можно сделать вывод, что китайские исследователи Институтов Конфуция видят этот феномен как равноправный совместный проект китайского и принимающего университетов. Институты

Конфуция в данный момент находятся в стадии своего качественного развития, для которого характерна децентрализация и деполитизация работы, усиление интеграции и локализации в местную социальную и культурную среду. Как итог, Институты Конфуция выступают важным инструментом интернационализации и содействуют в продвижении международного академического сотрудничества.

В научной литературе реализуется многообразие взглядов на феномен Институтов Конфуция, совокупность которых можно разделить на три ярко выраженных подхода.

Первый подход – объективистский. В рамках этого подхода Институты Конфуция рассматриваются функционально, как совокупность качественных и количественных результатов академической деятельности.

Второй подход – импактный. В рамках этого подхода Институты Конфуция рассматриваются как инструмент китайского влияния, реализованный в традиционном формате образовательных учреждений, реализующих культурную дипломатию и осуществляющих «мягкую» силу за рубежом.

Третий подход – инновационный. В рамках этого подхода происходит смещение взглядов на роль Институтов Конфуция как инструмента культурной дипломатии в поле интернационализации высшего образования. В этой парадигме Институты Конфуция выступают важной коммуникационной площадкой академической жизни принимающей стороны, способствующей ее конкурентоспособности. Третий подход можно назвать итогом первых двух как с точки зрения исторического, так и интеллектуального развития. Можно заключить, что именно третий подход в скором времени станет доминирующим.

Несмотря на кажущуюся завершенность представленных подходов, существует достаточно много места для формирования и продвижения новых парадигм осмысления феномена Институтов Конфуция как в функциональном, так и в культурно-инновационном плане. Во многом еще только предстоит расширить социально-философский аспект места и роли Институтов Конфуция в современном цивилизационном и инновационном развитии. В этой связи представляется актуальным развитие исследований в области сдвига работы Институтов Конфуция от полюса культурной дипломатии к полюсу инновационного и интеллектуального обмена. В этом ключе объектом исследования становится интеграционный и инновационный потенциал Институтов Конфуция. В более широком плане исследование упомянутого сдвига может оказать важное влияние на развитие традиционных социально-философских подходов как к вектору и условиям цивилизационного прогресса, так и современных обстоятельств его реализации.

Список использованных источников

1. Смоляков, Д. А. Белорусско-Китайское взаимодействие в сфере образования и университетской науки / Д. А. Смоляков, Н. Н. Скриба; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2017. – 148 с. – Деп. в ГУ «БелИСА» 14.05.2018, № Д201821.

2. Леонтьева, Э. О. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР / Э. О. Леонтьева, М. С. Белокопытова // Регионалистика: электронный научный журнал. – 2016. – Т. 3, № 5. – С. 51–58.

3. Румянцев, Е. Н. О внешнеполитической пропаганде и «мягкой силе» Китая / Е. Н. Румянцев // Политические процессы в условиях смены экономической модели: материалы ежегод. науч. конф. Центра полит. исслед. и прогнозов ИДВ РАН. – М.: ИДВ РАН, 2016. – С. 116–139.

4. Ван, Ш. Институт Конфуция и обучение китайскому языку за рубежом в контексте публичной дипломатии КНР / Ш Ван // Международные отношения. – 2018. – № 2. – С. 90–97.

5. The Confucius Institute Network [Electronic resource] / S. Barov [et al.]. – Mode of access: [https://www.](https://www.academia.edu/40449296/THE_CONFUCIUS_INSTITUTE_NETWORK)

[academia.edu/40449296/THE_CONFUCIUS_INSTITUTE_NETWORK](https://www.academia.edu/40449296/THE_CONFUCIUS_INSTITUTE_NETWORK). – Date of access: 24.03.2021.

6. Peterson, R. American Universities Are Welcoming China's Trojan Horse [Electronic resource] / R. Peterson. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2017/05/09/american-universities-are-welcoming-chinas-trojan-horse-confucius-institutes/>. – Date of access: 25.03.2021.

7. Guo, B. Literature Review and Prospect on the Confucius Institute Research in China / B. Guo, J. Cai // Heilongjiang Researches on Higher Education. – 2019. – № 7. – P. 45–50.

8. Yuan, Y. Integration, Innovation and Development: The Dilemma and the Way-Out in the Development of Confucius Institutes in the New Era / Y. Yuan, Q. Li // Renmin University of China Education Journal. – 2021. – № 1. – P. 170–179.

9. Lu, D. On Structuring and Expanding the Meaning of Confucius Institute / D. Lu // Studies of Cultural Soft Power. – 2018. – Vol. 3, № 5. – P. 40–48.

10. Wu, H. A New Typology for Analyzing the Direction of Movement in Higher Education Internationalization / H. Wu, Q. Zha // Journal of Studies in International Education. – 2018. – Vol. 22(3). – P. 259–277.

Аннотация

На основе анализа научной литературы различных стран мира рассматривается многообразие научных взглядов и формулируются три основных подхода к пониманию феномена Институтов Конфуция: объективистский, импактный и инновационный. Делается вывод об актуальности дальнейшего социально-философского осмысления Институтов Конфуция в парадигме международной интеграции, инновационного и интеллектуального обменов.

Abstract

Based on the analysis of scientific literature from different countries worldwide, the diversity of scientific views is discussed and three main approaches to understanding the phenomenon of Confucius Institutions are formulated: objectivist, impact and innovative. The conclusion is made about the relevance of further social-philosophical understanding of Confucius Institutions in the paradigm of international integration, innovative and intellectual exchanges.

ГУО «Республиканский институт высшей школы»
Редакционно-издательский центр предлагает



Н. В. Немогай, С. Д. Колесников, Т. А. Денисова, Л. А. Козыревская
МАРКЕТИНГОВОЕ ПРАВО. ПРАКТИКУМ

Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности «Правоведение»

В практикуме представлены современные знания по теоретическим основам и практическим рекомендациям, связанным с защитой и регулированием маркетинговой деятельности правовыми средствами, в том числе в условиях участия Республики Беларусь в интеграционных процессах.

Издание может быть использовано студентами, магистрантами, аспирантами и преподавателями экономических и юридических вузов и факультетов, будет полезно слушателям курсов (институтов) повышения квалификации и всем тем, кто начинает осваивать новое направление в отечественной юриспруденции – маркетинговое право.

ISBN 978-985-586-516-3
Цена 8 руб. 09 коп.

Информацию о реализуемой учебной и методической литературе можно посмотреть на сайте www.nihe.bsu.by.
Заказы принимаются по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская, 15, к. 126, тел./факс 219 06 63.

Гибридная агрессия как тенденция социального насилия

В. А. Ксенофонов,

кандидат философских наук, доцент,
Военная академия Республики Беларусь

Несмотря на стремление людей жить в мире и безопасности, бытие современного человечества проходит в чередѣ войн и конфликтов различной интенсивности. В текущем веке в планетарном масштабе не было ни одного дня без военного насилия. С учетом взаимозависимости человечества проведение тех или иных военно-силовых акций отражается не только на объекте агрессии, но и на целом ряде мирных стран и регионов. Заметим, что «война является основным инструментом переустройства мира» [1, с. 7].

Война влияет на все сферы жизни общества: экономическую, политическую, духовную, социальную. В условиях информационного общества мы начинаем привыкать к войне, видя ежедневно репортажи тех или иных военных действий. В результате у нас снижается порог нравственной «чувствительности» к человеческим жертвам и трагедиям. Человечество морально деградирует, воспринимая открытые и скрытые формы военного насилия как некую норму «коммуникации». Но это реалии, от которых практически не уйти, не скрыться даже в относительно благополучных странах. К сожалению, несмотря на принимаемые дипломатами и политиками меры, мы объективно не в состоянии исключить войну из современного и перспективного бытия человечества.

Понимая последствия войны и других форм человеческой агрессивности, сегодня особенно важно готовиться к различным силовым акциям со стороны

возможного агрессора. Учиться важно всем: не только военным профессионалам, специальным структурам и службам, но и каждой отдельной личности, обществу в целом, а в итоге – всему государственному организму.

Как отмечал швейцарский юрист Эммер Де Ваттель еще в 1758 г., «одной из целей политического общества является защита объединенными силами от всякого оскорбления или насилия извне. Если общество не в состоянии дать отпор агрессору, то значит, оно несовершенно, не достигает своей главной цели и не сможет долго просуществовать» [2, с. 152]. Он также подчеркивал, что «сила государства состоит не столько в числе граждан, сколько в их воинской доблести» [2, с. 154].

Сохранение государства и его безопасность в условиях непрекращающегося военного насилия выступают своеобразным императивом поведения каждого человека, стремящегося к мирной и счастливой жизни. Здесь уместно вспомнить фрагмент из книги «Общее учение о государстве» профессора Г. Еллинека, в которой он отмечает: «Государство генетически предшествует индивиду, так как понятие части может быть выведено только из целого, и вне государства живет только божество, либо животное (выделено мной. – В. К.)» [3, с. 154].

Безусловно, современная война вышла за рамки известного (традиционного, или классического) понимания, она была и остается, по меткому выражению К. Клаузевица, «хамелеоном». Данное свойство не только требует знания военного насилия, но и постоянного прогнозирования и изучения тенденций его развития в интересах обеспечения военной безопасности как важнейшей компоненты национальной безопасности. Современная война имеет тотальный характер и касается всех и каждого. Противоречие между необходимостью обеспечения военной безопасности и пониманием широкой общественностью тенденций современного насилия и является мотивом подготовки статьи.

Анализ публикаций научного и методического характера показывает, что сегодня активно употребляются термины «гибридная война», «гибридные угрозы», «серая зона», «ментальная война» и ряд производных от них понятий. Издаются различные статьи и книги [4–10]. Но для широкой аудитории эта проблема остается непонятной, соответственно, не наступает адекватной реакции в различных слоях общества. Очевидно, что невозможно защититься от любого вида насильственных или «недружественных» действий, не понимая их природы и причинно-следственных связей.

Личность, общество и государство могут и должны обладать необходимым потенциалом для силовой защиты своей безопасности. Как отмечал голландский мыслитель Гуго Гроций, «предусмотрительность

и заботы о самих себе не противоречат природе общества, пока не нарушается этим чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого права, – законна» [11, с. 85].

Характерной чертой современной мировой политики остается ее напряженность, нестабильность и неопределенность. Источником такой напряженности является деятельность, прежде всего США и НАТО, по продвижению собственных интересов с опорой на военную силу. Рост неопределенности подрывает основы стратегической стабильности как в глобальном, так и в региональном масштабе [12].

Как отмечает ученый А. А. Бартош, «с целью удержать в своих руках управляемость процессами обеспечения стратегической стабильности в США разработана концепция нового вида межгосударственных вооруженных конфликтов – гибридная война» [5, с. 5].

В белорусской военной, военно-философской науке к этому термину относятся критически, но это не означает, что данный феномен отвергается. Критика учеными «нового» термина связана в первую очередь с выделением в классической войне двух сущностных признаков – политики и вооруженной борьбы. Как отмечает профессор Н. Е. Бузин, нет необходимости все «войноподобные» явления именовать войной, происходит подмена понятий [4]. И, тем не менее, с реалиями противоборства и технологиями ведения насилия и агрессии со стороны наших оппонентов мы обязаны считаться, выстраивая рациональную защиту системе национальной безопасности.

Гибридная война (англ. *hybrid warfare*) – термин, появившийся в конце прошлого века в США для понимания военной стратегии, объединяющей в себе как единое целое обычную войну и информационную войну. До сих пор в мире нет общепринятого определения данного типа насилия. Само слово «гибридный» означает использование сразу нескольких видов давления (информационно-идеологического, политического, финансово-экономического, военного и т. д.) на противника, среди которых действия вооруженных сил отводится важная роль, но всего лишь часть комплексной (гибридной) агрессии.

По мнению член-корреспондента Академии военных наук А. А. Бартоша, гибридная война «представляет собой использование по единому замыслу и плану силовых и несиловых способов межгосударственного противоборства в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, проведение масштабных и стремительных подрывных операций в административно-политической, военной, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой сферах, информационные и кибероперации, военное использование космоса,

прикрытие и сокрытие других разведывательно-диверсионных действий» [5, с. 9].

Профессор И. Н. Панарин определяет гибридную войну как «совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК» [8, с. 21]. По его мнению, «идеология гибридной войны стала разрабатываться в Британской империи, которая, используя ее инструментарий, стала самой большой империей мира, а затем через организацию двух мировых войн смогла разрушить все остальные империи» [8, с. 3].

Доктор военных наук, профессор Н. Е. Бузин подчеркивает, что гибридная война – «это смесь войны и мира. По своей сути это ведение военных действий без объявления войны, без введения особых правовых режимов» [4, с. 36].

Диалектический подход позволяет уяснить, что история противоборства и ее отражение в военно-теоретической и философской мысли содержат немало примеров «гибридизации» насилия. Напомним, что о возможности победы над противником без вооруженного противоборства отмечал еще древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы в своем трактате «О военном искусстве». Заслуживают особого внимания его взгляды на формы борьбы. Сунь-Цзы предпочитал достигать намеченных целей путем искусной политики. Он считал, что «тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь, берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго». «Самая лучшая война, – писал Сунь-Цзы, – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войско». Он резюмирует: «Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» [13, с. 53]. Применение военной силы Сунь-Цзы считал крайним и весьма опасным средством борьбы. Полагаем, что эти мысли являются началом идеологии «гибридного» воздействия на противника в современной понимании «новой» войны.

Несмотря на разные акценты в приведенных определениях термина «гибридная война», ясно одно, что это системное воздействие на государство-жертву в целях его подчинения интересам агрессора. Другими словами, данная стратегия насилия понимается как использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании для достижения военно-политических целей.

Цели гибридной войны – полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственного руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического и финансово-экономического контроля, ее хаотизация и подчинение диктату со стороны других государств или ТНК [8, с. 21].

В монографии профессора С. М. Иншакова к числу наиболее распространенных форм гибридной войны отнесены:

- 1) презэмптивная война;
- 2) информационная война;
- 3) сетцентрическая война;
- 4) кибервойна;
- 5) экономическая война;
- 6) коррупционная война;
- 7) террористическая война;
- 8) спортивная война;
- 9) темная война [7, с. 118].

Не раскрывая каждую форму агрессии, обратим внимание только на презэмптивную и темную войны, так как они реже всего встречаются в лексиконе политиков. Разработанная в США концепция презэмптивной войны практически совпадает с подходами гибридной войны. В ее основе стратеги США отмечают три принципа:

- смена режима;
- строительство новой нации;
- восстановление страны [7, с. 119].

Арсенал презэмптивной войны содержит следующие виды агрессии:

- разжигание межнациональных (межконфессиональных, межэтнических) конфликтов;
- корруммирование государственного аппарата и чиновничества всех уровней;
- формирование валютно-финансовых механизмов выкачивания из завоеванной страны национальных ресурсов;
- приватизация наиболее прибыльных и наиболее значимых в плане экономической и военной безопасности объектов промышленности западными инвесторами и аффилированными с ними гражданами страны;
- культурная и идеологическая экспансия;
- разрушение культурных кодов нации, традиций, национальных стереотипов;
- деструкция традиций, на которых основывается воспитание молодого поколения;
- демонтаж образовательной системы;
- разрушение здравоохранения, нанесение удара по здоровью нации (в том числе за счет культивирования пьянства, наркотизма, сексуальной доступности);
- инициирование негативных демографических процессов (депопуляция);
- детерминирование деградации национальной культуры, национальной науки, снижение интеллекту-

ального уровня нации. Эта доктрина – попытка де-юре закрепить новый стиль международных отношений: США задекларировали свое право нападать на любое государство, которое им чем-то не угодило [7, с. 120].

В свою очередь темная война, или война «втемную», характеризуется тем, что трудно определить субъекта, причиняющего вред стране, а также способ причинения вреда, который тщательно маскируется под личиной стихийных бедствий. Профессор С. М. Иншаков определяет темную войну как «необъявленную войну, в ходе которой стране причиняется ущерб неизвестным противником посредством использования неизвестных видов оружия». К темной войне им отнесены виды противоборства: тектоническая (литосферная), климатическая, генетическая и пси-война [7, с. 273]. Все вышеперечисленные формы гибридной агрессии влияют на формирование угроз национальной безопасности государства.

Как отмечает военный эксперт А. А. Бартош, в последние годы гибридные войны велись в Ираке, Афганистане, Сирии, Грузии, Армении, а теперь – в Украине, Беларуси, Молдове, государствах Средней Азии [5, с. 9]. Указанный автор определяет и категорию «гибридные угрозы» – «это объединение дипломатических, военных, экономических и информационно-коммуникационных методов воздействия, которые могут быть использованы государственным или негосударственным субъектом для достижения особых целей, не доходя при этом до формального объявления войны» [6, с. 80].

С учетом специфики гибридной войны важнейшей задачей государственного управления является организация противодействия гибридной агрессии за счет комплексного использования дипломатических, информационных, экономических, финансовых, правовых, образовательных и других ресурсов государства с опорой на военную силу. Это обусловлено тем, что современные конфликты охватывают все сферы управления общественной жизни людей: административно-политическую, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую, что придает войне универсальный, многоплановый и многосферный характер.

В соответствии с подходами руководства ВС США современные военные конфликты могут быть сведены в три группы: межгосударственные, гибридные и с участием негосударственных вооруженных формирований.

В первом варианте задействуются крупные группировки регулярных сил с применением современных средств вооруженной борьбы для нанесения гарантированного поражения противнику на различных территориях. В гибридном конфликте осуществляется комбинированное применение ВС и иррегулярных формирований для создания обстановки неопределенности, захвата инициативы и лишения противника

маневрами силами и средствами. Могут использоваться как традиционные, так и асимметричные схемы. Конфликт с участием негосударственных вооруженных формирований характеризуется тем, что противники задействуют относительно небольшие группы для организации подрывной деятельности и манипулирования населением.

Следовательно, именно гибридная война представляет собой элемент стратегии, который присутствует на каждом из этапов развития межгосударственного противоборства и позволяет дозировать воздействие на противника (от мягких форм до прямого применения силы), а также снижать напряженность конфликта. Возможность эскалации и деэскалации предоставляет использующей стороне эффективный инструмент изнурения противника и стратегического неядерного сдерживания [5, с. 14].

Гибридная агрессия имеет определенную логику эскалации. Так, на начальных этапах ее элементами являются:

- экономические санкции и информационно-психологические операции;
- наращивание военно-силового давления;
- использование пятой колонны и неправительственных организаций для подрыва единства общества и формирования манипулируемой толпы в «цветной революции»;
- операции в киберсфере;
- подготовка и использование иррегулярных вооруженных формирований;
- скрытое проникновение групп ССО для осуществления диверсионных акций и ведения разведки;
- использование технических средств, включая разведывательные и ударные БЛА, космические системы [5, с. 16].

Перечисленные и возможные другие скрытые действия агрессивной деятельности направлены на подрыв национальной безопасности государства, требуют способности своевременной реакции государственных структур быстро и эффективно реагировать на эскалацию конфликта.

Гибридная война «построена на комбинации регулярного и иррегулярного компонентов и представляет собой нечто промежуточное между войной высокой интенсивности и конфликтом низкой интенсивности» [5, с. 18]. В связи с недостаточной разработанностью правовых аспектов данной агрессии возможности организаций обеспечения международной безопасности по урегулированию такого типа конфликтов весьма ограничены. Поэтому гибридная агрессия может иметь затяжной, изматывающий характер для социальных систем.

Тенденции развития современного противоборства таковы, что на смену межгосударственным войнам приходят конфликты низкой интенсивности, «гибридные» войны или войны «постмодерна», асимметрич-

ные и иррегулярные войны [5, с. 19]. В целом на смену классическим конфликтам приходит конфликт между культурами, а существенным моментом обоснования применения военной силы является утверждение агрессором несоответствия ценностных установок страны-жертвы цивилизационным ценностям доминирующей страны [5, с. 22].

В гибридной агрессии наряду с силовыми способами воздействия преимущественно применяются экономические, дипломатические, научно-технические, информационные, идеологические и психологические средства и методы навязывания противнику своей воли, ослабления его экономического и военного потенциала и укрепления собственных возможностей противника.

Мы уже отмечали, что в классической войне существенным признаком выступает политика и вооруженная борьба. Вместе с тем в современном противоборстве применяются стратегии, основанные как на военных, так и невоенных способах подчинения противника своей воле. Дело может и не дойти до прямого военного вторжения в страну, а система национальной безопасности может быть не только разбалансирована, но и основательно нарушена, а страна может погрузиться в хаос.

Как отмечает военный ученый А. А. Бартош, «стратегия современных конфликтов, построенная на сочетании широкого спектра самых различных форм и способов борьбы, вмещает в себя большое количество смыслов, причудливое сочетание рационального и иррационального подходов» [5, с. 25]. Попытка соединить разнородные определения в одном и привела к появлению понятия «гибридная война», используемого разными авторами, нередко вкладывающими в него собственные смыслы. Автор статьи полагает, что более удачным термином может быть «системная война».

Принципиально нового с научной точки зрения в понятии «гибридная война» нет, поскольку гибридность выступает свойством любой системы. А противоборствующие стороны, как правило, используют в конфликте весь имеющийся арсенал сил и средств для достижения военно-политических целей. Полагаем, что более корректным является использование терминов «гибридная агрессия» или «гибридное насилие». Но поскольку термин «гибридная война» уже закрепился в лексиконе политиков, журналистов и целого ряда ученых и аналитиков, при его использовании важно критически относиться к самой технологии насилия, которую довольно успешно используют западные стратеги в отношении государства-жертвы. Подчеркнем, что это связано с изменением не сущности войны, а характера войн, которые отличаются разноплановостью, а военные действия в случае конфликта высокотехнологичный противник будет вести не только в привычных средах на суше,

в море и воздухе, но и в новых сферах – космической и кибернетической.

Важной характеристикой современной войны является ее многомерность, предполагающая сочетание информационного, военного, финансового, экономического и дипломатического воздействия на противника в реальном времени.

Важная составляющая гибридной стратегии – целенаправленное воздействие на военную сферу национальной безопасности государства, чтобы втянуть страну в непомерные военные расходы путем провоцирования локальных конфликтов в приграничных районах и стратегически важных регионах, проведение вблизи границ учений с провокационными сценариями, развертывание дестабилизирующих систем оружия, использование возможностей пятой колонны и агентурных сетей. Временные рамки такой стратегии измора могут охватывать многие годы [5, с. 27].

Стоит напомнить, что стратегия гибридной агрессии целенаправленно используется против России коллективным Западом, она уже превратилась в повседневный фактор ее бытия. Истоки такого воздействия лежат в геополитических целях Запада по уничтожению России. Они изложены в целом ряде концепций и программ. Без сомнения, это непосредственно касается и нашей страны как основного стратегического партнера России, как государства, строящего Союзное государство (Беларусь и Россия), активного участника ОДКБ, а также как своеобразного плацдарма для выхода на российские рубежи. Как отмечает ученый А. А. Плащинский, «после распада СССР Беларусь избрала независимый путь развития, который не соответствует планам архитекторов нового мирового порядка. ...Поэтому Беларусь стала объектом мощного политического и экономического давления со стороны Запада» [1, с. 247]. Геополитические цели США и союзников после окончания «холодной войны» остались неизменными в отношении наших стран, корректируются стратегии и технологии контроля различных видов пространства.

В войнах будущего, несмотря на применение иных (невоенных) видов противоборства, роль и значение военной силы как важного инструмента политики государства не уменьшится. Военная сила придает вес и гарантии несилковым методам противоборства. Следовательно, ее совершенствование является важной составляющей государственной политики.

По нашему убеждению, в современном мире военная сфера национальной безопасности является основным гарантом сохранения не только социально-политической стабильности в стране, но и фактором сохранения государства и перспектив его развития. Это обусловлено тенденциями развития мировой политики и увеличением удельного веса военно-силового фактора при разрешении различных противоречий

глобального, регионального и межгосударственного масштаба. Причем силовое воздействие будет носить избирательный характер.

Гибридная война, как правило, включает и «цветную революцию». Несмотря на их различие, оба явления выступают в качестве технологии и инструмента политического воздействия на противника. «Цветные революции» не связаны с применением вооруженных сил, военного насилия как такового, но их с полным основанием можно отнести к категории военно-политического противоборства, поскольку их целью является нанесение поражения противнику [5, с. 30].

Сценарий развязанной в 2020 г. «цветной революции» в нашей стране как фазы гибридной агрессии детально проанализирован в пособии под редакцией профессора Н. Е. Бузина [14]. В этом издании «цветная революция» определяется как «государственный переворот, осуществленный с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы, силами “цветного” движения, как правило, в интересах и при непосредственном доминирующем участии в планировании, организации и финансировании со стороны иностранного государства, группы иностранных государств, общественных или коммерческих организаций» [14, с. 13].

Еще раз обратим внимание, что технологии гибридной войны и «цветных революций» разработаны в США и как эффективные инструменты преобразования политической картины мира неоднократно использовались против суверенных государств, отстаивающих свой путь развития. Кроме того, сочетание традиционных и гибридных видов конфликтов является существенным фактором для всех вооруженных конфликтов современности.

В контексте гибридной войны постоянно употребляется термин «серая зона». Согласимся с ученым А. А. Бартошем, что «“серая зона” является театром гибридной войны». Она представляет собой «политическое стратегическое пространство, в пределах которого международная система, балансируя на грани войны и мира, переформатируется под правила нового миропорядка. Одновременно “серая зона” имеет и пространственное измерение, определяемое географическими границами театра гибридной войны» [5, с. 43]. Операции в «серой зоне» позволяют конкурировать с государствами, находясь ниже порога обычной войны и ниже порога того, что может вызвать международную реакцию. Термин «серая зона» означает промежуточную среду между черным и белым, войной и миром. Исторически, по мнению А. А. Бартоша, одним из первых примеров создания «серой зоны» и ее дальнейшего использования стали действия Вашингтона на Балканах, когда была разрушена Югославия. Более свежим примером российский аналитик называет неудачную попытку добиться такой цели в Беларуси в 2020 г. [5, с. 43].

Разработкой вопросов нетрадиционной войны в «серой зоне» занимаются крупные исследовательские центры США и видные военные специалисты. В частности, генерал Дж. Л. Вотел, в прошлом главнокомандующий войсками специального назначения ВС США, отмечает: «“Серая зона” характеризуется интенсивным политическим, экономическим, информационным и военным соперничеством, более ожесточенным по своей природе, чем это принято в классической дипломатии, но не переступающим порога обычной войны» [5, с. 45].

Специальные военные кампании в «серой зоне» характеризуются следующими основными особенностями:

- их цель – стабилизация или дестабилизация режима;
- основные усилия прилагают местные партнеры;
- силы США имеют в стране небольшое присутствие (или его нет);
- как правило, операции продолжительны и могут потребовать обширной подготовительной работы, которую лучше измерять месяцами (или годами), чем днями;
- операции требуют интенсивного межведомственного взаимодействия, в ходе которого соответствующие подразделения Министерства обороны могут подчиняться Государственному департаменту или Центральному разведывательному управлению;
- в операциях используются методы политической войны для мобилизации, нейтрализации или интеграции отдельных лиц или групп от тактического до стратегического уровня.

Политическая война ведется в пространстве между дипломатией и открытой войной, когда традиционные военные варианты не подходят или считаются нецелесообразными по ряду причин. Политическая война – это вмешательство, ориентированное на население с целью влиять, убеждать и даже кооптировать [5, с. 46]. НАТО планирует дальнейшее развитие концепта «политическая война» в теорию психосоциальных факторов нетрадиционных методов ведения войны, используемых в операциях по распространению влияния [5, с. 47].

Опыт военных действий альянса показывает, что использование военной силы (Ирак, Афганистан, Ливия) стоит дорого и может привести к непредсказуемым результатам, поэтому ставится задача дальнейшей разработки нетрадиционного насилия (войны), способного в ряде случаев прийти на смену военным операциям НАТО.

В результате последовательного и совокупного применения комплекса действий в «серой зоне» их результирующая составляющая в каждый данный момент должна быть ниже порога традиционного конфликта. Конфликт в «серой зоне» преследует политические цели, достигаемые посредством проведения

интегрированных разнородных операций, в которых используются в основном, но не обязательно, невоенные инструменты. При этом каждая отдельная операция не ставит масштабных целей, а успех всей кампании в целом достигается за счет синергетического воздействия относительно мелких целенаправленных операций [5, с. 48].

Стратегия гибридной агрессии нацелена на изуродование страны-жертвы и предполагает комплексный спектр действий, включающих использование воинских и иррегулярных формирований одновременно с проведением в рамках единого замысла и плана операций по хаотизации экономики, военной сферы национальной безопасности, культурно-мировоззренческой сферы, а также применение кибератак. Государство-агрессор тайно, без формального объявления войны атакует структуры государственного управления, экономику, информационную и культурно-мировоззренческую сферы, силы безопасности и правопорядка, а также регулярную армию страны-мишени. Затем на определенном этапе могут разворачиваться военные действия с участием местных мятежников, наемников, частных военных компаний, поддерживаемых кадрами, оружием из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами: олигархами, преступными, националистическими и псевдорелигиозными организациями.

Несмотря на то, что в Военной доктрине Республики Беларусь не используется термин «гибридная война», содержание документа свидетельствует о том, что гибридная агрессия концептуально учтена не только в теории, но и в практике военного строительства.

Важнейший урок «холодной войны» заключается в том, что мощных вооруженных сил и спецслужб недостаточно для обеспечения необходимого уровня национальной безопасности. Низкий уровень политической безопасности, политической культуры общества, недостаточный уровень духовно-нравственной и информационной безопасности могут привести к победе вероятного противника без явной военной агрессии. Надо четко понимать, что современное геополитическое противоборство может осуществляться и без выстрелов. История нам не простит потери еще одного государства, появившегося после ухода в небытие СССР, – Республики Беларусь.

Как «холодная война», так и современная гибридная агрессия позволяют сформулировать важные положения в интересах обеспечения военной безопасности:

- современная и перспективная война – это многосферное явление, еще не все сферы детально изучены;
- в каждой сфере противник применяет определенный тип оружия и соответствующие технологии деструктивного воздействия;
- важнейшей задачей обеспечения национальной безопасности в области противостояния с противником является выявление сфер, способов деструктивного воздействия на государство, общество и личность;

- результаты проводимой научно-аналитической деятельности будут способствовать разработке комплекса мер по эффективному противодействию современным и перспективным способам воздействия на государство;

- обеспечение военной безопасности возможно только совместными усилиями всех субъектов – личности, общества и государства.

Современные реалии показывают, что понимание гибридного воздействия и меры по защите от него выработаны военно-политическим руководством, чего нельзя отметить применительно к ряду структур гражданского общества. Важно оказать содействие всем социальным субъектам в осмыслении современной военно-силовой реальности.

Технологии нового типа воздействия на государство и социум порой трудно идентифицировать, но они могут запускать механизмы самоликвидации объекта воздействия как один из действенных и экономичных способов нанесения поражения противнику.

Таким образом, гибридная агрессия является современной тенденцией военно-политического противоборства. В целях укрепления возможностей по противостоянию гибридной агрессии представляется целесообразным:

- осуществить разработку комплексной теории войны в контексте геополитического противоборства;
- продолжить адаптацию функционирования военной сферы национальной безопасности к условиям неклассического (нетрадиционного) насилия;
- всесторонне развивать интеллектуальный потенциал нации как основу мирного развития и важнейшее условие рациональной защиты от современных и перспективных опасностей и угроз;
- осуществить коррекцию образовательного процесса в вузах с обязательным изучением для управленцев проблем геополитики, философии насилия, философских проблем войны и мира, социологии и психологии войны и др., обеспечив при этом их необходимым научно-методическим материалом;
- повышать уровень образования и патриотизма общества как важнейших факторов национальной безопасности;
- всемерно способствовать развитию научного потенциала страны и на этой основе осуществлять

научно-аналитическое сопровождение принимаемых решений;

- продолжить формирование необходимой гуманитарной культуры специалистов всех сфер социума, способствовать развитию творческого потенциала каждой личности.

Только совместными усилиями всех субъектов безопасности можно не допустить военного насилия, а в случае его осуществления – сохранить государство.

Список использованных источников

1. *Плащинский, А. А.* Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие: монография / А. А. Плащинский; под науч. ред. С. Н. Князева. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 292 с.
2. *Ваттель, Эмер де.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Эмер де Ваттель. – М.: Госюриздат, 1960. – 720 с.
3. *Еллинек, Г.* Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 1903. – 532 с.
4. *Бузин, Н. Е.* Гибридная война. В чем ее сущность / Н. Е. Бузин // Армия. – 2021. – № 4(152). – С. 34–39.
5. *Бартош, А. А.* Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.
6. *Бартош, А. А.* Гибридная война: учебное пособие / А. А. Бартош. – М.: КНОРУС, 2021. – 306 с.
7. *Иншаков, С. М.* Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности: монография / С. М. Иншаков. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 306 с.
8. *Панарин, И. Н.* Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.
9. *Панарин, И. Н.* Гибридная война и геополитика / И. Н. Панарин. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 472 с.
10. *Ильницкий, А. М.* Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
11. *Гроций, Г.* О праве войны и мира / Г. Гроций. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 868 с.
12. *Антюшин, С. С.* Социальная и стратегическая стабильность как условие исторического прогресса: монография / С. С. Антюшин, С. А. Тюшкевич. – М.: Проспект, 2021. – 392 с.
13. *Философия и военное дело: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. П. В. Петрия.* – М.: КНОРУС, 2019. – 466 с.
14. «Цветная революция» в Республике Беларусь: особенности и механизм реализации: пособие / Н. Е. Бузин [и др.]. – Минск: НИИ ВС РБ, 2020. – 98 с.

Аннотация

В статье обоснована необходимость дальнейшего анализа технологий военного насилия, влияющих на обеспечение национальной безопасности. Показаны методологические аспекты гибридной агрессии против государства, разработанной западными стратегами. Намечены пути противостояния гибридному воздействию на социальную систему.

Abstract

The article substantiates the need for further analysis of military violence technologies affecting national security. Methodological aspects of hybrid aggression against the state developed by Western strategists are shown. The ways of countering the hybrid impact on the social system are outlined.

Концепт публичной политики в китайском научном дискурсе

Ян Кэ,
аспирант,
Белорусский государственный университет

В последнее время в ряде стран, в том числе и в Китае, проявляется все больший интерес к феномену публичной политики. Концепт «публичная политика» является одним из самых популярных, причем не только в научном дискурсе, где ему посвящены статьи и конференции, но и в словаре действующих политиков, общественных деятелей и даже в бытовой речи. Он достаточно новый для китайской науки, в то время как в западных странах уже устоялся.

Под концептом «публичная политика» прежде всего подразумеваются инновационные технологии политического менеджмента, которые используются для анализа и оценки результатов государственных решений, реализуемых в различных сферах жизни общества. Такие методы принятия решений и прогнозирования их последствий (цели, задачи, сроки, планируемый результат, обоснованные расходы) в настоящее время используются в практике правительственных структур Европейского союза.

Публичная политика имеет типичные междисциплинарные характеристики и получила широкое распространение в различных сферах общества. Разные исследователи фокусируются на различных явлениях политики, основанных на их собственных теориях, логике и методах, что делает понимание публичной политики неоднозначным. Например, в мышлении юристов все вопросы публичной политики выглядят как юридические вопросы, в то время как экономисты склонны применять эконометрические методы для интерпретации вопросов публичной политики, так что публичная политика как способ понимания политических изменений определяется почти так же, как и существующие вопросы публичной политики [1, с. 3]. Систематическое изучение различных представлений о публичной политике в китайском академическом сообществе и извлечение элементов, обладающих научной ценностью и направляющей ролью, имеет большое значение для углубленного анализа публичной политики.

Более того, Китай все еще находится в стадии социальных преобразований. Тенденция неравномерного развития в обществе все еще существует и в основном проявляется в дисбалансе между городскими и сельскими районами, богатыми и бедными. Этот дисбаланс более заметен в областях образования, занятости, социального обеспечения, медицинского обслуживания [2, с. 20–21].

Несмотря на то, что в последние годы Китай добился больших успехов, фундаментального решения этой проблемы до сих пор нет. В долгосрочной перспективе это оставит неопределенные скрытые опасности и неизвестные факторы для будущего развития и дальнейшего реформирования общества, а также сложные проблемы для государственного социального управления и функций государственной службы. Поэтому правительство, с одной стороны, надеется, что посредством принуждения традиционной публичной политики сделает все возможное, чтобы сохранить старую модель общества, а с другой стороны, хочет разработать новые политики для регулирования асимметричных социальных условий. Эта дилемма заставляет снова переосмыслить публичную политику в Китае.

Цель данного исследования – обсудить концепцию публичной политики и ее уникальность в Китае. При проведении исследования автор опирался на принцип историзма, использовал общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) подходы и аналитические методики (метод описательного анализа). Материалами исследования выступают научные работы (словари, авторефераты и тексты диссертаций, научные статьи) на английском и китайском языках, в которых изучались понятия публичной политики из различных отраслей.

В западной научной литературе есть и более традиционные трактовки термина «публичная политика». Западные авторы с разных ракурсов трактуют понятие «публичная политика» достаточно практично, подразумевая под ней определенный инструментарий, посредством которого могут быть выработаны и приняты решения по различным коллективным проблемам.

Понимание публичной политики с точки зрения распределения ценностей. Американский ученый Дэвид Истон определяет публичную политику с точки зрения распределения политических интересов, утверждая, что публичная политика – это авторитетное распределение ценностей всего общества [3, с. 5]. Он также подчеркивает, что целью разработки публичной политики является достижение распределения ценностей внутри всего общества, и это распределение является авторитетным. Фактически до этого британский философ Джереми Биан, известный как первый методолог в области анализа политики, применил принцип утилитаризма к пониманию публичной политики. В своей теории правительство должно стремиться содействовать «величайшему счастью большинства людей» с помощью публичной политики и других средств, чтобы закон и политика отвечали на вопрос о том, кому это выгодно.

Понимание публичной политики с точки зрения социальных правил или планов. Этот вариант занимает важное место в академическом сообществе, которое в основном определяется с двух точек зрения: инструментальной рациональности и символических характеристик. Американский ученый Вуд Уилсон считает, что публичная политика формулируется политиками, то есть теми, кто обладает законодательной властью, а законы и правила применяются администраторами [4, с. 8]. Гарольд Ласвелл, основатель политической науки, считает, что публичная политика – это масштабный план с целями, ценностями и стратегиями [5, с. 70]. Немецкие ученые Ке Уганг и Ши Манфей также считают (с институциональной точки зрения), что публичная политика означает систематическое достижение определенных целей политическими и коллективными средствами.

Публичная политика осуществляется не только государственными органами (парламентами, политиками, административными должностными лицами), но и представителями организованных групп, таких как профсоюзы, торговые ассоциации, группы потребителей и социального обеспечения, бюрократами и некоторыми отдельными лидерами отрасли, учеными и издательствами [6, с. 4–6]. Представители этих групп влияют на коллективные действия, которые предполагают соглашения между более чем двумя партнерами и часто включают соглашения между миллионами людей в общем органе. Коллективные действия обычно осуществляются в рамках установленных институциональных ограничений, но также могут быть реализованы путем попытки изменить способ реализации систем. С точки зрения институциональной экономики это указывает на то, что публичная политика представляет собой соглашение систематического коллективного действия. Его также можно назвать системой (институтом), потому что система (институт) – это правило человеческого взаимодействия.

Китайские ученые отдают особое предпочтение этому пониманию. Чэнь Чжэньминь также считает, что публичная политика – это политическое действие или кодекс поведения, принятые правящей партией государства (правительства) и другими политическими группами в определенный период для достижения определенных социально-политических, экономических и культурных целей. Это общее название ряда стратегий, указов, мер, методов, положений и т. д. [7, с. 236–237]. Такое определение публичной политики с точки зрения норм, правил и программ подчеркивает своевременность, нормативность, практичность и другие характеристики публичной политики, которая является основным средством социального управления.

Понимание публичной политики с точки зрения поведения или процесса. Американский ученый Томас Дэй определяет публичную политику как «все, что правительство решает делать или решает не делать» [8, с. 2]. Это определение фокусируется на двух аспектах – действии и бездействии правительства – и имеет очевидную бихевиористскую окраску, что подчеркивает практические характеристики публичной политики. По замечанию Дай И, еще более ценным является то, что иногда «бездействие» также является решением общественных проблем. Например, Китай проводит реформу политической системы, которая реализует политику «действие». В то же время премьер-министр Чжу Жунцзи отмечает, что «реформа политической системы Китая никогда не будет копировать западную модель, то есть не будет ротации политических партий или двухпалатной системы». На самом деле это реализация политики «бездействие» [9, с. 19].

Концепт публичной политики, ставший популярным в США в 1970-х гг., был эффективно реализован и в Европе. Европейский подход отличается от американского, что обусловлено принципиальными различиями структурной организации государства. Если для Соединенных Штатов Америки основным направлением для исследования являлись проблемы государственного управления и повышения его эффективности, то в Западной Европе акцент сместился на изучение интеграционных процессов.

Наиболее известным европейским ученым, занимающимся исследованиями в области публичной политики, является Д. Капано. Им создана школа публичной политики, коллектив которой многое перенял из американской традиции политических исследований, но в то же время подчеркивает некоторые значительные отличия. Так, американское разделение понятий «politics» и «policy» является достаточно условным, поскольку с принятием политического решения и реализацией политического курса политическая борьба не прекращается, а преобразуется и принимает несколько иные формы. Д. Капано определяет публичную политику как «способ решения коллективных проблем», делая акцент на смещении фокуса исследования от власти к социально значимым публичным проблемам [10, с. 1–10].

Приведенные выше точки зрения и выводы предполагают, что публичная политика представляет собой многоцелевую, многовариантную концепцию, которая имеет такие черты, как процедурный, нормативный, объективный, ценный, систематический и конкретный характер, так что концепт публичной политики может быть только описан, но не может быть определен.

Для объяснения данного феномена сопоставляется одно понятие – 政策 (policy). В Китае есть официальное объяснение. В словаре «Цы Хай»¹ 政策 – это кодекс действий, предписанный государством и политическими партиями для достижения целей и задач определенного исторического периода. На основе данного объяснения публичная политика должна содержать легитимные, принятые со всеми надлежащими процедурами и формально оформленные в правовых документах решения правительственных органов. Таким образом, публичная политика предусматривает согласование общественных интересов, а не конкуренцию и борьбу за власть. Именно этим она отличается от партийной политики, направленной на захват и удержание власти. Она подразумевает плодотворное сотрудничество представителей правительства, местных властей, членов общественных организаций,

экспертов, независимых исследователей, направленное на решение общественно значимых проблем. При таком рассмотрении под публичной политикой можно подразумевать программы органов власти, механизмы их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий индивидов и их социальных групп.

Многие китайские ученые подчеркивают, что, во-первых, публичная политика является основным способом осуществления государственного управления, важным средством защиты общественных интересов и основным способом распределения ценностей. Во-вторых, публичная политика создается общественными организациями, которые включают в себя не только организации государственной власти в традиционном смысле, а именно политические партии, правительства, законодательные органы, судебные органы и т. д., но и неправительственные общественные организации, которые возникли с развитием государственного управления. Их цель состоит в том, чтобы заниматься государственными делами, предоставлять государственные услуги и достигать целей государственного управления. В-третьих, публичная политика предполагает разработку и осуществление государственных планов действий и общественного кодекса поведения в качестве основы содержания и оказания влияния, регулируя и направляя поведение социальных субъектов. В-четвертых, выражения публичной политики сложны и разнообразны, включая законы и нормативные акты, резолюции и решения, изложение мнений, исполнительные приказы, национальные планы, соответствующие стратегии и т. д.

Однако за более чем десять лет не было достигнуто соглашения о конкретном научном определении публичной политики как за рубежом, так и в Китае. По общему признанию, публичная политика действительно имеет определенную историческую миссию, но в фундаментальном смысле она является инструментом правительства для решения государственных дел. Она порождает два естественных атрибута – принуждение и этику [11, с. 23–24].

С ростом уважения к конституционной системе и значения, придаваемого правам человека после создания Нового Китая, обязательный характер публичной политики в целом подвергался критике, в то время как этика все больше ценилась. То, что государственная политика Китая содержит с точки зрения этики, является сквозной общностью, которая в основном проявляется как в ценностной ориентации, так и в человеческом духе.

На ценности основывается выживание и развитие человека. На этом же основывается и публичная политика. Во введении «Теории справедливости» написано, что справедливость является основной ценностью социальной системы, так же как истина является

¹ «Цы Хай» – крупнейший всеобъемлющий словарь в Китае, выпущенный и отредактированный в 1915 г. под эгидой г-на Лу Фейкуя из Китайского книжного магазина.

ценностью идеологической системы. Публичная политика должна иметь определенные ценностные ориентации, которые также являются ее неотъемлемыми основными требованиями.

Во-первых, в публичной политике переплетаются основные ценности и универсальная ценность ее субъектов. Публичная политика разрабатывается и осуществляется государственными органами, точнее, правительствами, они сами представляют ценности своего положения и класса, особенно основных ценностей правителей. В связи с необходимостью социального развития они сами содержат общечеловеческие ценности, например, беспристрастность, которой уделяется все больше внимания. В современном обществе пристальное внимание со стороны всех слоев общества уделяется функции публичной политики китайского правительства на поддержание базовой социальной справедливости. Можно сказать, что в определенной степени позиционирование правительства на службу народу, отношения правительства и народа являются договорными, что отражает данный ценностный смысл, а также воплощает политическую партийную систему Китая.

Публичность как основная черта публичной политики также отражает ценностную ориентацию публичной политики. Публичная политика все больше и больше вытекает из общественной воли, все больше и больше воплощает демократию, свободу и публичный характер. На более глубоком уровне она отражает различные сочетания правительства и общественности в публичной сфере, результатом чего являются рациональное стремление и институциональное устройство, имеющие ценностные ориентации, соответствующие общественному характеру. Все внешние особенности публичной политики могут помочь правительствам рационализировать свои ценности и узаконить их в обществе. В то же время эти внешние особенности могут достичь ценностного единства с разработчиками по многим вопросам публичной политики с тем, чтобы публичная политика с помощью законных средств и процедур выражала интересы общественности, определяла предоставленные общественных благ и услуг.

Во-вторых, эффект реализации публичной политики богат ценностными атрибутами. Миссия публичной политики состоит в том, чтобы поддержать общество и сделать его более развитым, при этом рациональное распределение социальных интересов является основной функцией. Его окончательная реализация также отражает ценности. С другой стороны, для реализации публичной политики необходимо достичь поставленной цели – воплощение ценностной концепции публичной политики. Если политика не может достичь данной цели, это показывает, что публичная политика

утратила силу и необходимо формировать новую политику вместо старой, чтобы реализовывать ценности публичной политики.

В Китае на разных этапах общественного развития существуют разные политические ценностные ориентации. В начале становления Китая ценностная ориентация публичной политики больше внимания уделяла социальной справедливости. После реформы и открытости системы рыночной экономики приоритет отдавался эффективности при соблюдении принципа справедливости. На текущий день Китай находится в состоянии социальных преобразований, ценностная ориентация публичной политики подчеркивает социальную справедливость, а концепция «гармоничное общество» стала центральной ориентацией публичной политики.

В дополнение ко всем ценностным ориентациям публичной политики Китая существует также человеческий дух. Правящая философия политических партий страны ориентирована на людей. Ее отправной точкой и основной целью являются люди и служение им. Человеческий дух в публичной политике можно понимать двояко.

Прежде всего, самый важный вопрос, который должна решить публичная политика, – как люди продолжают выживать и развиваться. Существование публичной политики связано с решением некоторых проблем в обществе, что неизбежно затрагивает человеческие проблемы. И публичная политика, используемая для разрешения противоречий, естественно, должна иметь человеческий дух. С непрерывным прогрессом и развитием общества осведомленность народа об обществе и личности также растет. Благодаря прогрессу демократического сознания народ имеет более высокие ожидания в отношении публичной политики, сформулированной правительством, и надеется, что политика может отражать общие проблемы, волнующие людей.

Публичная политика как основная политика управления проявляется в том, что ее субъекты могут в полной мере получать доступ к внешней информации, используя различные социальные ресурсы, в результате решая определенные цели и задачи. После ряда более ценных размышлений и обсуждений следует найти подходящий способ достижения наиболее гуманного и позитивного эффекта.

Для этого многие ученые выступают за точный расчет и логическое мышление. Но на самом деле общественные проблемы более сложные. Некоторые из них не могут быть полностью решены рациональными способами. В результате существует слишком много факторов, которые необходимо учитывать при формировании публичной политики. Это требует от субъектов публичной политики осознания реальности

ситуации при решении существующих социальных проблем.

С точки зрения публичной политики ее наиболее важной целью является содействие лучшему развитию человека. С непрерывным развитием и прогрессом общества был достигнут большой успех в человеческом развитии. Публичная политика как стратегия, связанная с массой, должна быть неразрывно связана с человеческим развитием. В свою очередь человеческое развитие способствует дальнейшему совершенствованию научной и гуманной публичной политики. Сейчас выбор китайской публичной политики все больше склоняется к человеческому развитию. Можно сказать, что это будет основой будущего развития публичной политики в стране.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на значительные усилия китайских ученых, пока нет четкого понимания и обоснования того, что же представляет собой публичная политика. В целом, опираясь на западные разработки и двигаясь в их фарватере, китайские исследования постепенно образуют собственное понимание публичной политики. При формулировании публичной политики они в большей степени исходят из реальных национальных условий своих стран и уделяют больше внимания правильной ценностной ориентации и уникальным гуманистическим чувствам и гуманистическому духу Китая. Тем не менее можно предположить, что более глубокая разработка национальных особенностей публичной политики, в том числе поиск конкретных точек ее практического приложения и использования, позволит эффективно внедрять ее в общественную жизнь.

Список использованных источников

1. Герстон, Л. Н. Формулирование публичной политики – процедуры и принципы: учеб.-метод. пособие / Л. Н. Герстон. – Чунцин: Изд-во «Чунцинаиздание», 2001. – С. 3.
2. Цзя Шуаню. Исследование феномена социальной дифференциации в процессе модернизации Китая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Шуаню Цзя. – Пекин: Парт. шк. при ЦК КПК, 2019. – С. 20–21.
3. Ян Гуаньцюн. Публичная политика / Гуаньцюн Ян. – Пекин: Изд-во Пекин. пед. ун-та, 2009. – С. 5.
4. У Циюань. Государственная политика / Циюань У. – Тайбэй (Китай): Коммер. пресса, 1985. – С. 4.
5. Lasswell, H. D. Power and Society / H. D. Lasswell, A. Kaplan. – N.Y.: Mc Graw-Hill Bok Co., 1985. – С. 70.
6. У Цзиньян. Кооператив и формулирование публичной политики / Цзиньян У // Вестник Партийной школы Ханчжоуского муниципального партийного комитета Коммунистической партии Китая. – 2005. – № 2. – С. 4–6.
7. Чэнь Чжэньминь. Государственное управление. Исследовательский подход, отличный от традиционного администрирования / Чжэньминь Чэнь. – Пекин: Изд-во Кит. ун-та Жэньминь, 2003. – С. 236–237.
8. Дэй, Т. Понимание публичной политики / Т. Дэй. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2008. – С. 2.
9. Ван Кай. Средства массовой информации и современная государственная политика Китая. Ситуация и тенденции в эпоху преобразований: дис. ... канд. полит. наук / Кай Ван. – Шанхай: Ун-т Фудань, 2004. – С. 19.
10. Capano, G. Introduction: Multidimensional World of Policy Dynamics / G. Capano, M. Howlett // European and North American Experiences in Policy Change. Policy Drivers and Policy Dynamics. – London, 2009. – С. 1–10.
11. Чжан Жунцзюнь. Отклонение и коррекция этических ценностей в публичной политике / Жунцзюнь Чжан // Вестник «Юньнаньская социальная наука». – 2010. – № 4. – С. 23–24.

Аннотация

Публичная политика – это концепт, который постоянно находится в центре теоретических дискуссий как на Западе, так и в Китае. Он широко используется в научной литературе и рассматривается как органичная часть политической науки, без которой было бы немисливо представить механизмы формирования политики, взаимодействия в этом процессе государства, гражданского общества и бизнеса. В статье охарактеризовано понятие «публичная политика» и проанализированы его трактовки, которые даны американскими и европейскими авторами. Выявлено наличие у китайских исследований национальной особенности в понимании публичной политики.

Abstract

Public policy – this concept is constantly at the center of theoretical discussions both in the West and in China. It is widely used in the scientific literature and is considered as an organic part of political science, without which it would be unthinkable to imagine the mechanisms of policy formation, interaction of the state, civil society and business in this process. The article describes the concept of «public policy» and analyzes the interpretations of this concept, which are given by American and European authors. It also reveals the presence of a national peculiarity in the understanding of public policy in Chinese studies.